

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

КОЛУМБ

Рафаэль Сабатини

Колумб

«Автор»

1941

Сабатини Р.

Колумб / Р. Сабатини — «Автор», 1941

В этом романе есть всё за, что мы так любим приключенческую литературу: благородный и отважный герой, его прекрасная возлюбленная, отвратительные враги и множество препятствий, стоящих на пути настоящей любви. Вся эта история разворачивается на Пиренейском полуострове, по большей части, в Испании, накануне открытия Америки. Финал – само путешествие.

© Сабатини Р., 1941

© Автор, 1941

Содержание

Глава I. Путник	5
Глава II. Приор Ла Рабиды	8
Глава III. Поручитель	13
Глава IV. Забытый проситель	17
Глава V. Дож	26
Глава VI. Ла Хитанилья	29
Глава VII. Инквизиторы	33
Глава VIII. Брат и сестра	38
Глава IX. Приманка	40
Глава X. Спасение	43
Глава XI. Агенты	47
Глава XII. У Загарте	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Рафаэль Сабатини

Колумб

Глава I. Путник

В вечернюю пору зимнего дня мужчина и ребёнок поднимались по песчаной тропе, вьющейся по склону меж сосен. В ту зиму правители Испании повели наступление на Гранаду, последний оплот мавров на полуострове, то есть речь пойдёт о событиях, случившихся в последней декаде пятнадцатого столетия.

Длинная череда дюн тянулась перед путниками, простираясь на многие мили по направлению к Кадису. Порывы злого ветра, дующего с юго-запада, бросали им в лицо песок. Позади, под серыми небесами, серел штормящий Атлантический океан.

Роста мужчина был выше среднего, широкоплечий, с длинными руками и ногами, судя по всему недюжинной силы. Из-под простой круглой шляпы выбивались густые рыжие волосы. Серые глаза сияли на гордом загорелом лице. Правда, одет он был куда как скромно. Куртка до колен из домотканого сукна, когда-то чёрная, но уже порядком выцветшая, была подпоясана простым кожаным ремнём. С ремня по правую руку свешивался кинжал, по левую – кожаный мешок. Рейтузы из грубой чёрной шерсти, сапоги. На палке через плечо он нёс свои скромные пожитки, завернутые в плащ. Лет ему было чуть больше тридцати пяти.

Крепкий мальчишка лет семи или восьми шёл рядом, держась за правую руку мужчины. Ребёнок поднял голову.

– Ещё далеко? – спросил он по-португальски, и ответ получил на том же языке.

– Этот вопрос, помоги мне Господи, я задавал себе все эти десять лет и ещё не получил ответа, – грустно пошутил мужчина. Но затем ответил серьёзно: – Нет, нет. Смотри. Мы почти что на месте.

Поворот тропы вывел их к длинному низкому зданию, ослепительно белому квадрату на фоне тёмных сосен, подступающих к нему с востока. В центре квадрата, словно гриб с красной шляпкой, вздымалась к небу часовня под черепичной крышей.

– На сегодня – это конечная цель нашего путешествия, Диего, – продолжил мужчина, указав на здание. – Возможно, здесь же и начало, – он словно размышлял в слух. – Приор, я слышал, образованный человек, имеющий влияние на королеву, поскольку был её духовником. Женщина всегда подчиняется тому, кто выслушивал её исповедь. Таков один из секретов нашей загадочной жизни. Но мы придём с поникшей головой, ничего не прося. В этом мире, мой сын, просить значит нарваться на отказ. Это урок, который тебе ещё придётся выучить. Если хочешь получить то, чего у тебя нет, упаси Боже выказать даже намёк, что тебе это нужно. Наоборот, покажи им, какие они приобретут блага, если убедят тебя принять желанное тебе. Вот тогда они будут счастливы облагодетельствовать тебя. Для твоего юного ума это слишком сложно, Диего. Я куда как старше и опытнее тебя, но лишь недавно дошёл до этой истины. Мы проверим её справедливость на добром францисканце.

Под добрым францисканцем мужчина подразумевал фрея Хуана Переса, приора монастыря Ла Рабида. Фрей Хуан полагал, что характер души человека открывается в его голосе. Приор, наверное, обладал более чутким слухом. Возможно, сказывался его опыт исповедника: он слушал грешника, не видя его, и только по голосу приходилось определять, сколь искренне раскаяние говорившего и соответственно каково должно быть наказание.

И если б не то значение, которое придавал человеческому голосу фрей Хуан, нашему путнику, возможно, не удалось бы столь легко достигнуть поставленной цели.

Приор прохаживался по двору с раскрытым требником в руках. Его губы шевелились, как и требовал закон Божий, беззвучно произнося слова молитвы, когда он слышал просьбу, обращённую к светскому брату-привратнику.

– Милосердный брат мой, немного хлеба и воды для этого уставшего ребёнка.

Не сами слова, привычные у ворот монастыря, привлекли внимание приоры, но голос, а более разительный контраст между униженностью просьбы и звенящим в голосе чувством собственного достоинства и гордости. Скорее всего контраст этот не остался бы незамеченным и человеком с куда менее чувствительным ухом, чем у фрейя Хуана. Слышался в голосе и иностранный акцент, но точность произношения каждого звука указывала, что говоривший уделял немало времени изучению испанского языка.

Фрей Хуан, не чуждый человеческого любопытства, особенно если возникала возможность хоть немного разнообразить монотонность жизни в Ла Рабиде, закрыл требник, заложив указательным пальцем страницу, которую только что читал, и направился к воротам, чтобы взглянуть на просителя.

Один лишь взгляд показал ему, сколь полно внешний облик мужчины соответствовал его голосу. В высоком росте, красивой осанке, выбритом лице с волевым подбородком и орлиным носом он увидел силы не только физические, но и духовные. Но особенно поразили приоры глаза незнакомца, большие, серые, ясные, как у пророка или колдуна, чей немигающий взгляд редко кто мог выдержать. Узел с вещами он опустил на каменную скамью у ворот. Не укрылась от приоры и скромная одежда мужчины. А позади него стоял мальчик, для которого мужчина просил хлеба и воды, настороженно глядя на приближающегося монаха с требником в руке.

Дон Хуан шёл не торопясь, кругленький толстячок в серой рясе, с длинным бледным лицом, добрыми глазами и толстогубым ртом. Он приветствовал незнакомца улыбкой и латинской фразой, чтобы проверить, во-первых, его учёность, а во-вторых, веру, ибо орлиный нос над полными, чувственными губами мог принадлежать и нехристианину.

– Pax Domini sit tecum¹.

– Et cum spiritu tuo², – ответил незнакомец, чуть склонив гордую голову.

– Вы путешественник, – в голосе приоры не слышалось вопроса.

– Путешественник. Только что прибыл из Лиссабона.

– Куда лежит ваш путь?

– Сегодня я хотел бы добраться только до Уэльвы.

– Только? – удивлённо поднялись густые брови фрейя Хуана. – До неё же добрых десять миль. А скоро ночь. Вы знаете дорогу?

Путник улыбнулся.

– Это не проблема для того, кто привык находить путь в океане.

Приор уловил в голосе нотку тщеславия и задал следующий вопрос:

– Вы – опытный мореплаватель?

– Судите сами. На север я плавал до Туле, на юг – до Гвиней, на восток – до Золотого Рога.

Приор глубоко вздохнул и ещё пристальнее вгляделся в мужчину, пытаясь убедиться, что перед ним не хвастун. Удовлетворённый увиденным, он вновь улыбнулся.

– То есть вы побывали на границах мира.

– Вернее, известного нам мира. Но не действительного мира. До тех границ ещё плыть и плыть.

– Как вы можете это утверждать, никогда не видел их?

– А как вы, святой отец, утверждаете, что есть рай и ад, никогда не видел их?

– На то есть вера и богооткровение, – последовал суровый ответ.

¹ Да пребудет с вами мир Господень (*лат.*)

² И с твоим духом (*лат.*)

– Совершенно справедливо. В моём случае к вере и богооткровению добавляются космография и математика.

– А! – В глазах вспыхнула искорка интереса. – Проходите в ворота, сеньор, во имя Господа. Тут сквозит, да и вечер сегодня прохладный. Закрой ворота, Инносенсио. Прошу вас, сеньор. Окажите нам честь, воспользуйтесь нашим скромным гостеприимством. Как вас зовут, сеньор?

– Колон. Кристобаль Колон.

Вновь пристальный взгляд приора прошёлся по семитским чертам лица путника. Такая фамилия встречалась у новых христиан, а приор мог привести не один случай, когда Святая палата отправляла их на костёр за следование еврейской религии.

– Чем вы занимаетесь?

– Я моряк и космограф.

– Космограф! – Приор сразу забыл о своих подозрениях. Среди прочего его очень интересовали загадки, то и дело подбрасываемые космографией.

Зазвонил колокол. Осветились внутри удлинённые готические окна часовни.

– Я должен оставить вас, – сказал фрей Хуан. – Мне пора на вечернюю молитву. Инносенсио проведёт вас в келью для гостей. Мы увидимся за ужином. А пока мы накормим и напоим вашего ребёнка. Ночь вы, естественно, проведёте у нас.

– Вы очень добры к незнакомцу, господин приор. – Колон с достоинством принял приглашение, на которое он рассчитывал.

По натуре действительно добрый, приор тем не менее отдавал себе отчёт, что подвигнула его на это не только доброта. Он разбирался в людях и ясно видел, что не обычный путник постучался в ворота монастыря. Разговор с таким человеком мог принести немалую пользу. А если и нет, то хоть немного разнообразить теперешнюю довольно-таки скучную жизнь фрея Хуана.

Колон, однако, не поспешил в келью, а постарался убедить приора в глубине своей веры.

– Отдохнуть я ещё успею. Сначала я хотел возблагодарить Господа нашего и Святую деву за то, что они привели нас к столь гостеприимному дому. Если вы позволите, святой отец, я пойду с вами на вечернюю молитву. Малыш, конечно, устал. Я был бы очень благодарен, если б мог поручить его заботам нашего брата.

Он наклонился, чтобы поговорить с ребёнком, который, родившись и получив воспитание в Португалии, не понимал ни слова по-кастильски. Выслушав отца, пообещавшего ему долгожданный отдых и сытный ужин, мальчик с готовностью последовал за светским братом. Отец проводил сына нежным взглядом, а затем повернулся к приору.

– Я задерживаю ваше преподобие.

Доброй улыбкой приор пригласил его войти в маленькую часовню Святой девы Рабиды, славящейся чудодейственной силой, хранящей от безумия.

Колокола затихли. Монахи уже собрались на клиросе, и приор, оставив Колону одного в нефе часовни, прошёл на своё привычное место.

Глава II. Приор Ла Рабиды

– Dixit Dominus Domino Meo: sede a dextris Meis³...

Молитва наполнила часовню, и фрей Хуан, щурясь от дыма свечей, с удовлетворённостью отметил должную набожность коленопреклонённого гостя.

И столь велико было любопытство приора, что он распорядился пригласить Колона к своему столу, а не кормить его в холодном зале, предназначенном для бездомных странников.

Колон принял приглашение как должное, без удивления или колебания, и братья, сидевшие за длинными столами вдоль стен трапезной, украдкой разглядывали скромно одетого незнакомца, гордо, словно принц, вышагивающего рядом с приором, и спрашивали себя, что за идадьго пожаловал в их скромную обитель.

Фрей Хуан подвёл Колона к небольшому возвышению в конце трапезной, на котором стоял его столик. Стену за возвышением украшала фреска, изображающая тайную вечерю. Судя по качеству работы, автором её был один из монахов. На потолке тот же художник нарисовал святого Франциска, причём и эта фреска не блистала мастерством. Теперь фрески освещала подвешенная к потолку шестирожковая масляная лампа. На стенах, вдоль которых стояли столы, выкрашенные белой краской, друг против друга висели портреты двух герцогов Медина-Сели, изображённых в полный рост, с одереженевшими конечностями, торсом, головой. Герцоги сердито хмурились друг на друга. Окна, квадратные, забранные решётками, были лишь на северной стене и достаточно высоко, так что увидеть в них можно было только небо.

Разносолами в монастыре не баловали, но кормили хорошо: свежая, только что выловленная, рыба в остром соусе, бульон с телятиной. Белый хлеб и ароматное вино из Палоса, с виноградников на западных склонах, что начинаются за сосновыми лесами.

Трапеза проходила под монотонное бормотание одного из монахов, читающего с кафедры у южной стены главу из “Vita et Gesta” святого Франциска.

Колон сидел справа от приора, между ним и раздающим милостыню. Слева от фрея Хуана расположились его помощник и наставник послушников. В сумеречном свете, отбрасываемом масляной лампой, фигуры францисканцев за длинными столами внизу казались серыми тенями.

Когда монах на кафедре произнёс последнее слово, серые фигуры зашевелились, и над столами простых монахов поплыл приглушённый шумок разговора. А за стол приора тем временем подали блюда с фруктами – апельсины, финики, яблоки – и кувшин сладкого вина. Фрей Хуан налил полную чашу своему гостю, возможно, с намерением развязать тому язык. А уж потом решился на прямой вопрос.

– Так что же, сеньор, после столь длительных и далёких странствий, вы приехали в Уэльву, чтобы отдохнуть?

– Отдохнуть?! – воскликнул Колон. – Нет, Уэльва лишь шаг к новому путешествию. Я, возможно, проведу здесь несколько дней у родственника моей жены, которая отошла ныне в мир иной. Упокой, Господи, её душу. А потом я вновь отправлюсь путешествовать. – И чуть слышно добавил: – Как Картафилус.

– Картафилус? – Приор порылся в памяти. – Что-то я не припомню такого.

– Иерусалимский сапожник, который плюнул в Господа нашего и обречён ходить среди нас до второго его пришествия.

На лице фрея Хуана отразилось изумление.

– Сеньор, что за ужасное сравнение!

³ Господь сказал моему Господу: сядь по правую руку от Меня...

– Хуже. Это святотатство вырвано у меня нетерпением. Разве зовут меня не Кристоаль? Разве не видится знак Божий в имени, которым нарекли меня? Кристоаль. Носитель Христа. Вот моя миссия. Для этого рождён я на свет. Для этого избран. Нести знания о Нём в неизвестные ещё земли.

Вопрос вертелся уже на языке приора, но, прежде чем он успел открыть рот, к нему наклонился помощник и что-то прошептал. Фрей Хуан согласно кивнул, и все встали, после чего помощник произнёс благодарственную молитву.

Для Колона, однако, трапеза на этом не кончилась. Он было двинулся вслед за монахами, но приор удержал его и, заняв своё место во главе стола, предложил сесть.

– Спешить нам некуда, – он наполнил чашу Колона сладким вином. – Вы упомянули, сеньор, неизвестные земли. Что вы имели в виду? Атлантиду Платона или остров Семи городов?

Колон сидел, опустив глаза, чтобы фрей Хуан не заметил вспыхнувшего в них огня. Этого-то вопроса он и ждал, вопроса, указывающего на то, что учёный монах, к мнению которого прислушивается королева, угодил-таки в сеть, расставленную гостем.

– Ваше преподобие шутит. Однако такой ли уж миф Атлантида Платона? Может, Азорские острова – её остатки? И нет ли других остатков, куда больших размеров, в морях, ещё не нанесённых на карту?

– Они-то и есть ваши неизвестные земли?

– Нет. Я думаю не о них. Я ищу великую империю на западе, в существовании которой у меня нет ни малейшего сомнения и которой я одарю того государя, что поддержит меня в моих поисках.

Лёгкая улыбка заиграла на губах приора.

– Вы вот сказали, что у вас нет ни малейшего сомнения в существовании огромной империи. То есть вы видели эти земли?

– Мысленным взором. Глазами разума, который получил я от Бога, чтобы распространить в этих землях знание о Нём. И столь ясным было моё видение, ваше преподобие, что я нанёс эти земли на карту.

Как человек верующий, как монах, фрей Хуан воспринимал видения со всей серьёзностью. К провидцам же, однако, относился, исходя из жизненного опыта, с подозрением и зачастую не без оснований.

– Я немного интересовался космографией и философией, но, возможно, оказался туповат для столь сложных наук. Ибо мои знания не позволяют объяснить, как можно нанести на карту то, что не видно глазу.

– Птолемей не видел мира, который нанёс на карту...

– Но он обладал доказательствами своей правоты.

– Ими обладаю и я. Более чем доказательствами. Ваше преподобие, наверное, согласится со мной, что логические умозаключения позволяют перебросить мостик от уже известного к открытию. В противном случае философия не могла бы развиваться.

– Вы, разумеется, правы, если речь идёт о духовной сфере. Когда же дело касается материального мира, я бы предпочёл реальные доказательства умозаключениям, как бы логично вы их ни обосновывали.

– Тогда позвольте обратить Ваше внимание на реальные доказательства. Шторма, накатывающие с запада, выносили на побережье Порту-Санту брёвна с вырезанным на них странным узором, которых не касались железный нож или топор, гигантские сосны, которые не растут на Азорах, тростник столь невероятных размеров, что в одной полости между перемычками помещается несколько галлонов вина. Их можно увидеть в Лиссабоне, где они хранятся. И это лишь часть, малая часть.

Колон прервался как бы для того, чтобы передохнуть. На самом же деле, чтобы взглянуть на приора. Убедившись, что тот ловит каждое слово, продолжил ровно и спокойно:

– Двести лет назад венецианский путешественник Марко Поло отправился на восток. Ни один европеец ни до, ни после него не забирался так далеко. Марко Поло достиг Китая и владений великого хана, обладающего сказочными богатствами.

– Я знаю, знаю, – прервал его фрей Хуан. – У меня есть экземпляр его книги. Как я и говорил, я немного интересовался этими вопросами.

– У вас есть его книга! – вскричал Колон, просяив. – Тогда моя задача сразу облегчается. Я не знал, – солгал он, – что говорю со знатоком!

– Не нужно льстить мне, сын мой, – фрей Хуан, возможно, уловил иронию в восклицании Колона. – Получается, вы нашли у Марко Поло то, что ускользнуло от моего взгляда. Что именно?

– Ваше преподобие помнит упоминание об острове Сипанго, расположенном ещё в полутора тысячах миль на восток от Мандиси, самой дальней точки, достигнутой мореплавателем. – Кивок фрея Хуана показал, что приору указанная ссылка знакома. – Вы помните, что те края славятся обилием золота. Его источники, говорит Марко Поло, неисчерпаемы. Столь расхож там этот металл, что дворец короля крыт плитами из золота. Марко Поло говорит и о том, что там полным-полно драгоценных камней и жемчужин, особо упоминая огромные розовые жемчужины.

– Суета сует, – осуждающе молвил приор.

– Нет, с вашего позволения, если использовать всё это на благо, ради достойной цели. А богатства там такие, о которых европейцы не могут и мечтать.

– Но какое отношение к вашим открытиям имеет Сипанго Марко Поло? – Приор не дал Колону возможности рассказать о сказочных богатствах острова. – Вы говорили о землях, лежащих за западным океаном. Если допустить, что восточные чудеса Марко Поло правда, каким образом доказывают они существование западных земель?

– Ваше преподобие верит, что земля – сфера? – Колон взял с блюда апельсин и поднял его. – Похожа на этот апельсин.

– Большинство философов убеждены в этом.

– И вы, разумеется, согласны с разделением её диаметра на триста шестьдесят градусов?

– Это математическая условность. С чем тут спорить. Но что из этого следует?

– Из этих трёхсот шестидесяти градусов известный нам мир занимает не более двухсот восьмидесяти. С этим выводом соглашаются все космографы. Таким образом, самую западную известную нам точку, Лиссабон, отделяют от восточной границы мира восемьдесят градусов, примерно четверть земной окружности.

Приор с сомнением пожевал нижнюю губу.

– Нам говорили, что там безбрежный океан, столь бурный, что переплыть его не сможет ни один корабль.

Глаза Колона блеснули.

– Всё это сказочки слабаков, не решившихся на такую попытку. Пугали же всех непреодолимой стеной огня на юге, но плавание португальцев вдоль побережья Африки развеяли этот миф. Взгляните сюда, ваше преподобие. Вот – Лиссабон, – он указал на точку на апельсине, – а вот восточная оконечность Китая. Огромное расстояние, порядка четырнадцати тысяч миль, исходя из того, что, по моим расчётам, на этой параллели один градус равен пятидесяти милям. – А теперь вместо того, чтобы идти на восток по суше, мы плывём на запад морем... – Его палец двинулся влево от Лиссабона. – И, пройдя восемьдесят градусов, попадаем в ту же точку. Как видит ваше преподобие, мы можем достичь востока, отправляясь на запад. От золотого острова Сипанго Марко Поло, если плыть на запад, нас отделяет чуть больше двух тысяч миль. Таковы доказательства. И наши умозаключения никоим образом не приводят нас

к выводу, что Сипанго – край земли. Нет, это предел знаний венецианца. Там должны быть другие острова, другие земли, империя, которая ждёт своего открытия.

Жар речи Колона опалил фрея Хуана. Простой пример с апельсином открыл ему одну из очевидных истин, ранее ускользавшую от его проницательного ума. Энтузиазм молодого космографа захватил приора. Но неожиданно возникло препятствие, за которое смог зацепиться его холодный разум.

– Подождите. Подождите. Вы говорите, должны быть другие земли. Вы заходите столь далеко, что я не решаюсь последовать за вами, сын мой. Всё это не более чем ваши убеждения, а убеждения могут оказаться ложными.

Возбуждение Колона не спало. Наоборот, словно костёр, раздуваемый лёгким ветерком, вспыхнуло ещё сильнее.

– Не только убеждения, ваше преподобие, не только. Есть более серьёзные доводы. Уже не математические, но теологические. Сошлюсь на пророка Ездру, утверждавшего, что земля состоит из шести частей суши и одной – воды. Используйте это соотношение в предполагаемом мною расчёте и скажите мне, где я ошибаюсь? Или оставьте без внимания мои воображаемые земли, но тогда получится, что не прав пророк. – Он бросил апельсин в блюдо. – Так что Индии наверняка лежат в двух тысячах милях к западу от нас.

– И что из этого? – Приор ужаснулся, представив себе безбрежный океан. – Две тысячи миль сплошной воды, таящих в себе Бог знает какие опасности. От одной мысли об этом становится страшно. У кого хватит храбрости броситься в неведомое?

– У меня! – Колон ударил себя в грудь, его глаза пылали фанатичным пламенем. – Господь Бог столь ясно указал мне путь, что все эти доводы, математика и карты – ничто рядом с осенившим меня вдохновением. Бог же даровал мне силу воли, необходимую для реализации Его замысла.

Колон шёл напролом, его уверенность в себе отметала все сомнения. И фрей Хуан, уже убеждённый логикой и космографическими выкладками незнакомца, сам того не замечая, стал верным его союзником.

– В моём тщеславии, да простит меня Боже, я думал, что обладаю кое-какими познаниями. Но вы помогли мне понять, что я просто невежда. – Он опустил голову, задумавшись.

Колон пил вино маленькими глотками, не сводя глаз с фрея Хуана. Внезапно приор спросил:

– Но откуда вы, сеньор? Из вашей речи ясно следует, что вы не испанец.

Колон помедлил, прежде чем ответить.

– Я был при дворе короля Португальского, а теперь еду во Францию.

– Во Францию? Но чего же вы ищите там?

– Я не ищу. Я предлагаю. Предлагаю империю, о которой только что говорил. – Он словно подразумевал, что империя эта уже у него в кармане.

– Но Франция! – Лицо фрея Хуана превратилось в маску. – Почему Франция?

– Однажды я предложил её Испании, но суть моего предложения разбирал священнослужитель. Толку из этого не вышло, что вполне естественно. Не просим же мы моряка быть судьёй в теологическом споре. Потом я отправился в Португалию и потратил немало времени на учёных болванов, но мне не удалось пробить броню их предрассудков. Там, как и в Испании, никто не мог поручиться за меня. Я чётко уяснил для себя, что правители этих стран не услышат моего голоса, если только кто-то не замолвит за меня словечка. Я мечтаю отдать все эти богатства Испании. Я мечтаю служить королеве Изабелле Кастильской. Но как мне получить аудиенцию у её величества? Будь у меня поручитель, к советам которого она прислушивается, будь он достаточно умён, чтобы понять ценность моего предложения, и настойчив, чтобы убедить её принять меня, тогда... Тогда мне не было бы нужды покидать Испанию. Но где мне найти такого друга?

Приор рассеянно водил указательным пальцем по дубовому столу.

Украдкой наблюдая за ним, после короткой паузы Колон сам ответил на свой же вопрос:

– В Испании такого друга у меня нет. Вот почему я решил обратиться к королю Франции. Если и там я потерплю неудачу, то попытаю счастья в Англии. Наверное, вы теперь понимаете, почему я сравниваю себя с согрешившим евреем Картафилусом.

Указательный палец приора продолжал путешествовать по столу.

– Кто знает? – пробормотал наконец фрей Хуан.

– Кто знает что, ваше преподобие?

– А? О! Возможно, слова ваши не лишены истины. Но не зря говорят, утро вечера мудренее. Давайте выспимся, а потом вернёмся к нашему разговору.

Колон не стал возражать. Из трапезной он уходил с надеждой, что, возможно, не зря потратил время, приехав в Ла Рабиду.

Глава III. Поручитель

За долгие годы мирной монастырской жизни ни единого раза не испытывал фрейя Хуан столь сильного волнения, как после разговора с Кристобалем Колоном. Ночь, как потом признался он, прошла для него беспокойно. Ему грезились золотые крыши Сипанго (под этим названием, теперь это известно, Марко Поло имел в виду Японию) и сверкающие драгоценностями острова, заросшие гигантским тростником, из стволов которого, если их срезать, ударял фонтан вина. Испанская душа фрейя Хуана скорбела при мысли о том, что такие земли будут потеряны для его государей, которые нуждались в несметных богатствах, чтобы залечить раны, нанесённые стране войной с неверными. Вполне естественно, что, будучи одно время духовником королевы Изабеллы, он питал к ней не только верноподданнические, но и отеческие чувства. Он полагал, и небезосновательно, что вправе рассчитывать на взаимность. И что его поручительство за странного гостя не останется без внимания. Скорее всего ему удалось бы убедить королеву всесторонне рассмотреть предложение Колона, в чём тому ранее отказывали.

Лёжа без сна на жёсткой койке, добрый приор начал уже усматривать руку Господа в своей, как он полагал, чисто случайной встрече с Колоном. Он, разумеется, и не подозревал, что совсем не случай привёл того в Ла Рабиду, а холодный расчёт. Колон делал ставку на увлечение приора космографией и ниточку, связывающую его с королевой. Он шёл в монастырь только для того, чтобы повидаться со старым францисканцем и переманить его на свою сторону. Любопытство приора, подогретое зычным голосом путника, облегчало задачу Колона. Если бы приор не услышал его, Колон, получив хлеба и воды для сына, затем намеревался попроситься на ночлег. А уж за вечер он нашёл бы возможность переговорить с приором и разбудить его интерес к собственной персоне.

Но в голове фрейя Хуана не было места подобным мыслям, и он уже видел божественное вмешательство в результат, который дало его гостеприимство. Врождённая рассудительность, однако, сдерживала энтузиазм приора. И прежде чем поддержать Колона, он решил обратиться к сведущим людям, чтобы те высказали своё отношение к дерзкой идее.

Выбор он остановил на Гарсиа Фернандесе, враче из Палоса, знания которого далеко выходили за пределы медицины, и Мартине Алонсо Пинсоне, богатом купце, владельце нескольких кораблей, опытном мореплавателе.

Ему без труда удалось убедить Колона отложить отъезд хотя бы на день, и вечером, после ужина, когда маленького Диего уложили в постель, все четверо собрались в келье приора. Обстановка узкой комнатки состояла из трёх стульев, конторки, койки и двух полок с книгами у побелённой стены.

Колону попросили повторить всё то, что он рассказал приору днём раньше. Он согласился с видимой неохотой, вроде бы не желая отнимать время у занятых людей, но, начав, уже не мог остановиться, всё более загораюсь от собственных слов. Вскоре он уже не мог усидеть на стуле и начал вышагивать по келье, размахивая руками. В голосе улавливалось презрение к тем, кто пренебрёг его талантом. Но Колон, похоже, не сомневался, что в конце концов кипящая в нём энергия сметёт любые преграды на его пути к заветной цели.

Задолго до того, как Колон перешёл к подробностям, столь поразившим фрейя Хуана, врач и купец были очарованы Колоном, ибо, как говорил епископ Лас Касас, лично знавший его, Колон буквально влюблял в себя всех, кто смотрел на него.

Фернандес, врач, длинный, тощий, с яйцеобразной головой и лысиной под маленькой шапочкой, слушал, перебирая бородку костлявыми пальцами, с широко раскрытыми глазами. Его скептицизм таял с каждым словом Колона.

Пинсон же шёл к приору, уже полный желания поддержать незнакомца, потому что вопросы, поднятые Колоном, давно занимали и его самого. В расцвете сил, широкоплечий,

энергичный, с ярко-синими глазами, сверкающими из-под густых чёрных бровей, он жадно впитывал сказанное Колоном.

Апофеозом лекции стала демонстрация карты, на которую Колон нанёс территории, о существовании которых, наряду со сведениями Марко Поло и пророчествами Ездры, говорил ему внутренний голос. Все присутствующие тут же склонились над ней.

Фернандес и Пинсон, которым довелось повидать немало карт, сразу отметили совершенство работы Колона и полное соответствие его карты тогдашним представлениям об окружающем мире, за исключением одной детали.

На отличие и указал Фернандес.

– Исходя из вашей карты, Лиссабон и восточная оконечность Азии разделяют двести тридцать градусов земной окружности. В этом вы, как я понимаю, расходитесь с Птолемеем.

Колон только обрадовался замечанию врача.

– Как Птолемей поправлял Марину из Тира, так и я поправляю здесь Птолея. Обратите внимание, я поправил его и в местоположении Туле, который западнее, чем предполагал Птолемей. Я это знаю, поскольку плавал туда.

Но Фернандес стоял на своём.

– С Туле всё ясно. Вы поправили Птолея, исходя из собственного опыта. Но на чей опыт вы опирались, нанося на карту местонахождение Индии?

Колон помедлил с ответом.

– Вы слышали о Тосканелли из Флоренции?

– Паоло дель Поццо Тосканелли? – переспросил Фернандес. – Кто из интересующихся космографией не слышал о нём!

Фернандес ставил вопрос совершенно правильно, ибо среди людей культурных Паоло Тосканелли, недавно умерший, считался самым знаменитым математиком и физиком.

– Кто же его не знает? – прогремел следом Пинсон.

– Я могу сослаться на него. Расчёты, поправляющие Птолея, выполнены не только мною, но и им. Мы пришли к одинаковому выводу. – И тут же Колон добавил: – Впрочем, не велика беда, если мы и ошиблись. Какая разница, окажется золотой Сипанго на несколько градусов ближе или дальше? Не в этом суть. И не нужно ссылаться на авторитет Тосканелли, показывая, что на сфере можно попасть в одну и ту же точку, двигаясь как на восток, так и на запад.

– Действительно, как вы говорите, нет нужды ссылаться на его авторитет, но ваша позиция будет значительно крепче, если вы сможете показать, что этот великий математик придерживался того же мнения, что и вы.

– Показать это я смогу, – торопливо ответил Колон и тут же пожалел об этом, ибо сорвавшиеся с губ слова задевали его тщеславие, словно намекая, что кто-то помог ему получить конечный результат.

Но брошенная второпях фраза вызвала столь жгучий интерес, что пришлось объясниться.

– Как только я смог сформулировать свою теорию, я послал все материалы Тосканелли. Он написал мне, не только соглашаясь с моими выводами, но и прилагая свою карту, которая в главном ничем не отличается от той, что лежит теперь перед вами.

Фрей Хуан подался вперёд.

– И эта карта у вас?

– Карта и письмо, подтверждающие сделанные мною выводы.

– Это очень важные документы, – заметил Фернандес. – Я сомневаюсь, чтобы кто-то из живущих сейчас обладал достаточными знаниями, чтобы оспорить мнение Тосканелли.

С присущей ему горячностью Пинсон поклялся Богом и Святой девой, что считает любой спор на эту тему бессмысленным. У него, во всяком случае, нет сомнений в правоте сеньора Колона.

А приор, сидевший на койке, разве что не мурлыкая от удовольствия, заявил:

– Господь Бог осудит Испанию, если она не воспользуется этими землями, территории которых намного превосходят всё то, что открыли мореплаватели Португалии.

Поведение Колона внезапно изменилось. Он заговорил жёстко, ледяным тоном.

– Испания уже получила свой шанс, но не использовала его. Отвоёвывая у мавров одну провинцию, владыки Испании не заметили целой империи, которую я им предлагал. А король Португалии, который вначале благожелательно отнёсся к моему предложению, передал его в жалкую комиссию, состоявшую из еврея-астронома, врача и священника. Комиссия отвергла меня, я полагаю, просто из зависти. Вот почему я оказался вдалеке от дома. Сколько лет потеряно зря! – И он начал складывать карту, всем своим видом показывая, что говорить больше не о чем.

Но проницательный Пинсон, знавший реальную жизнь лучше приора или врача, испытывал куда меньше почтения к коронованным особам, тем более к упоминанию их имён. Он спросил себя, с какой стати этому человеку, вроде бы решительно настроенному на отъезд во Францию, подробно излагать перед ними свои планы. И пришёл к выводу, что Колон, на словах отказываясь от сотрудничества, на самом деле ищет тех, кто поможет ему в осуществлении столь захватывающего замысла. Так что, заговорив, Пинсон уже знал наверняка, что не зря сотрясает воздух.

Он заявил, что недостойно испанца, поверив в услышанное, не принять все меры к тому, чтобы Испания не получила плоды этого невероятно важного открытия.

– Благодарю вас, сеньор, – последовал насмешливый ответ, – что вы мне поверили.

Пинсон, однако, на этом не остановился.

– Ваши доводы столь убедительны, столь совпадают с моими собственными размышлениями, что я даже смог бы принять участие в этом путешествии, помочь его подготовке. Подумайте, сеньор. Давайте ещё раз вернёмся к этому разговору. – Пинсон даже не пытался скрыть своего желания стать первооткрывателем Индии. – Я могу поставить под ваше начало корабль или два и полностью снарядить их для плавания. Подумайте ещё раз.

– Позвольте мне вновь поблагодарить вас. Но такая экспедиция не может быть частным предприятием.

– Почему нет? Почему все блага должны доставаться лишь принцам?

– Потому что в столь многотрудном деле необходима поддержка короны. Управление далёкими землями потребует очень больших усилий. Я говорю не только о сокровищах, которые будут найдены там, и деньгах, но и о людях. Только монарх может обеспечить и то, и другое. Если бы не это, неужели вы думаете, что я потратил бы столько лет, стучась в двери дворцов и получая отказы от привратников.

Вот тут приор счёл необходимым вмешаться.

– Думаю, что смогу помочь вам, сын мой. Особенно теперь, когда мне известно, каким грозным оружием вы вооружены. Я имею в виду карту Тосканелли. Я, конечно, далёк от двора, но, возможно, моя просьба будет услышана королевой Изабеллой. В милосердии своём её величество сохраняет добрые чувства к тому, кто когда-то был её духовником.

– Правда? – изумление Колона казалось искренним.

С непроницаемым лицом выслушал он приора. Тот согласился с Пинсоном, что дело чести любого испанца добиться того, чтобы все эти богатства достались Испании. Пусть сеньор Колон подождёт ещё немного. Он ждал годы, что по сравнению с ними несколько недель. Завтра, если будет на то согласие сеньора Колона, он, фрей Хуан, отправится ко двору в Гранаду или куда-то ещё, чтобы использовать своё влияние на её величество и уговорить королеву при-

нять Колона и выслушать его. Фрей Хуан постарается добраться до дворца как можно быстрее, а в его отсутствие о Колоне и его сыне позаботятся в монастыре.

В голосе приора всё явственнее проступали просительные нотки. Ему хотелось пробить ледяную стену, которой отгородился гордый путешественник.

Когда фрей Хуан замолчал, сложив на груди, словно в молитве, пухлые ручки, Колон тяжело вздохнул.

– Вы искушаете меня, святой отец. – Повернулся и отошёл к окну, сопровождаемый двумя парами озабоченных глаз – приора и врача. Во взгляде же купца Пинсона, хорошо знавшего жизнь и уловки торгующихся, озабоченность уступила место недоверчивости.

У дальней стены Колон обернулся. Высоко вскинул рыжеволосую голову, гордо расправив плечи.

– Невозможно отказаться от столь великодушного предложения. Пусть будет, как вы того желаете, святой отец.

Приор засеменил к нему, благодарно улыбаясь, а за его спиной громко рассмеялся Мартин Алонсо. Фрей Хуан решил, что тот радуется благополучному исходу, на самом же деле Пинсон смеялся потому, что не ошибся в своих предположениях.

Глава IV. Забытый проситель

Следующим утром приор Ла Рабиды оседлал мула и отправился в Гранаду, где владыки Испании готовились к наступлению на последнюю цитадель сарацин.

Ехал он с уверенностью в успехе и не ошибся. Королева Изабелла приняла духовного отца с полной почтительностью. Внимательно выслушала его и, заражённая энтузиазмом фрей Хуана, вызвала казначея и приказала отсчитать двадцать тысяч мараведи для снаряжения и путевых расходов Колона. И отпустила торжествующего францисканца с тем, чтобы он привёл к ней этого человека.

Достопочтенный приор и не мечтал, что поездка его сложится так удачно, и поспешил в Ла Рабиду, чтобы передать Колону хорошие новости.

– Королева, наша мудрая и добродетельная госпожа, услышала молитву бедного монаха. Используйте этот шанс, и весь мир будет у ваших ног.

И Колон, ещё не веря своему счастью, тут же собрался в дорогу. Сына с согласия приора он решил оставить на время в монастыре, а потом вызвать ко двору их величеств.

Перед самым отъездом к нему заглянул Мартин Алонсо Пинсон.

– Я пришёл пожелать вам удачи и поздравить с королевской аудиенцией. Клянусь Богом, вы не могли найти лучшего посланника, чем приор.

– Я это понимаю, как и чувствую вашу благожелательность ко мне.

– Благожелательность – ещё не всё. В конце концов, и я приложил руку к вашему успеху. – И, отвечая на вопрос во взгляде Колона, продолжил: – Поймите меня правильно, сеньор. Именно благодаря тому, что я поддержал вас, фрей Хуан отправился к королеве.

– То есть я ваш должник, сеньор? – в голосе Колона зазвучал холодок. Мартин Алонсо рассмеялся. В чёрной бороде за алыми губами блеснули его крепкие зубы.

– Этот долг вы сможете отдать мне с прибылью для себя. Помните, сеньор, что я готов поддержать ваш проект. Я люблю риск, у меня есть деньги, чтобы оплатить его. Кроме того, как я и говорил вам, я умею командовать кораблями.

– Вы вдохновляете меня на подвиг, сеньор, – с ледяной вежливостью ответил Колон, – но, кажется, я выразился достаточно ясно, говоря, что частным лицам такая экспедиция не по карману.

– Однако разве вы не допускаете мысли о том, что частные лица могут принять в ней участие? Почему, собственно, нет, если корона возьмёт на себя львиную долю затрат?

– Мне представляется, что корона, если поддержит меня, должна взять на себя все расходы.

– Должна, но сможет ли? – не отставал Алонсо. – Королевская казна не переполнена золотом. Война порядком опустошила её. Король и королева, возможно, примут вас благосклонно, но решатся ли на столь большие расходы? И вот тут моя помощь могла бы прийти весьма кстати. Я лишь прошу, чтобы вы вспомнили обо мне, если возникнет такая необходимость. В конце концов, я прошу лишь то, что причитается мне по праву, раз уж благодаря мне фрей Хуан поехал к королеве.

– Я вспомню о вас, – пообещал Колон.

Но уехал в твёрдой решимости забыть об Алонсо. Он не нуждался в сотоварищах, особенно не хотел видеть рядом с собой этого навязчивого купца с толстым кошельком, который не только потребовал бы участия в дележе прибыли, но и захотел бы урвать себе славу первооткрывателя.

Считая, что все беды позади, приодевшись на деньги королевы, Колон прибыл ко двору их величеств. В памяти его чётко отпечатались слова францисканца: «Королева, наша мудрая

и добродетельная госпожа, слышала молитву бедного монаха. Используйте этот шанс, и весь мир будет у ваших ног».

Вдохновлённый напутствием фрея Хуана, Колон не сомневался в успехе. Уж кто-кто, а он умел преподнести себя в лучшем свете.

Так что на аудиенцию во дворец Алькасар в белокаменном городе Кордове прибыл не жалкий проситель, но разнаряженный красавец, убеждённый в том, что он – хозяин своей судьбы.

Если бы всё зависело только от королевы, Колон добился бы своего в тот же день. Благо-разумная и хладнокровная, она всё же оставалась женщиной и не могла не поддаваться обаянию, энтузиазму и магнетическому влиянию Колона. Но рядом с ней находится король Фердинанд, не улыбочивый, суровый, один из самых расчётливых владык Европы. Ему ещё не было сорока лет. Среднего роста, широкоплечий, светловолосый, с пронизательными глазами, он с явным неодобрением встретил протеже фрея Хуана, который к тому же вёл себя так, словно был род-ней королевским особам.

Их величества приняли Колона в тронном зале Алькасара, освещённом солнечным све-том, падающим через огромные окна, со стенами, обшитыми кожей, выделкой которой слави-лись мавры Кордовы, с мраморным полом, устланным дорогими восточными коврами. За спи-ной королевы стояли две её фрейлины: миловидная юная маркиза Мойя и графиня Эсканола. Короля сопровождали Андреас Кабрера, маркиз Мойя, дон Луис де Сантанхель – седобородый казначей Арагона, и Эрнандо де Талавера, приор Прадо, высокий аскетичный монах в белой рясе и чёрной мантии иерономита.

Все они, как и большинство ближайших советников правителей Арагона и Кастилии, были новыми христианами – евреями, принявшими крещение и возвысившимися благодаря талантам, присущим многим представителям их национальности. Возвышение их порождало зависть, проявлявшуюся в усилении преследований евреев Святой палатой.

Колон, как следовало из его фамилии, был одним из них и при желании мог бы заметить симпатию в глазах Сантанхеля и Кабреры. Талавера же даже не взглянул на просителя. Бес-компромиссно честный, разумеется в своём понимании честности, к новообращённым евреям он испытывал скорее враждебность, чем симпатию.

Колон же словно и не замечал сановников. Глаза его не отрывались от королевы, соблаго-волившей последовать совету фрея Хуана Переса. Он видел перед собой женщину лет сорока, небольшого роста, полноватую, с добрыми синими глазами. Она располагала к себе, привле-кала, и скрыть это не мог даже парадный наряд – алая, отороченная горностаем накидка и платье из золотой парчи, перепоясанное белым кожаным поясом с огромным рубином вместо пряжки.

Она мягко обратилась к нему, но в её ровном голосе Колон уловил свойственную коро-леве властность. Похвалила идеи, высказанные ей приором Ла Рабиды, и заверила, что более всего хочет узнать поподробнее о том, как он намерен укрепить могущество Кастилии и Ара-гона.

– Я целую ноги вашего величества, – с высоко поднятой головой, громким голосом начал Колон. – Я благодарю вас за оказанную мне честь. Я принёс обещание открытий, по сравнению с которыми всё то, что получила Португалия, покажется малым и ничтожным.

– Обещания... – презрительно фыркнул король, но Колона это не остановило.

– Да, обещания, ваше величество. Но, видит Бог, обещания, которые будут выполнены.

– Говорите, говорите, – с усмешкой продолжил король. – Мы готовы вас выслушать.

И Колон приступил к изложению своей космографической теории. Но не успел он доста-точно углубиться в доказательства, как его вновь прервал хриплый голос Фердинанда.

– Да, да. Всё это мы уже слышали от приора Ла Рабиды. Именно его чёткое изложение ваших идей послужило причиной того, что её величество даровало вам аудиенцию в то время,

когда, как вы, наверное, хорошо знаете, все наши помыслы заняты крестовым походом против неверных.

Человек, менее уверенный в себе, испытывающий большее почтение к коронованным особам, несомненно, смутился бы. Колон же решительно двинулся вперёд.

– Богатства Индии, которые я положу к вашему трону, – неиссякаемый источник, черпая из которого вы залечите все раны войны и получите средства для её успешного завершения, даже если она будет продолжаться до вызволения гроба Господня.

Едва ли кто смог бы найти лучший ответ, чтобы завоевать симпатию королевы. Но в лице Фердинанда он столкнулся с серьёзным противником. Со скептической улыбкой на полных губах тот заговорил, прежде чем королева успела открыть рот.

– Только не забудьте сказать, что всё это мы должны принимать на веру.

– А что есть вера, сир? – позволил себе спросить Колон и, отвечая, дал понять, что вопрос чисто риторический: – Умение увидеть то, что дадено по наитию, без осязаемых доказательств.

– Это уже больше похоже на теологию, чем на космографию. – Фердинанд обернулся к Талавере. – Это скорее по вашей части, дорогой приор, чем по моей.

Монах поднял склонённую голову. Голос его звучал сурово.

– Я не стану спорить с подобным определением веры.

– Я, конечно, не теолог, – вмешалась королева, – но не слышала более понятной формулировки.

– Однако, – Фердинанд взглянул ей в глаза, – в подобных делах унция фактов перевешивает фунт веры. Чем практическим может подтвердить сеньор Колон свои рассуждения?

Вместо ответа королева предоставила слово Колону.

– Вы слышали вопрос его величества?

Колон опустил глаза.

– Опять я могу лишь спросить, что есть опыт, и ответить, что опыт – не более как основание, на котором строит здание тот, кто наделён божественным даром воображения.

– Ваши слова достаточно запутанны, чтобы казаться глубокомысленными, – едко заметил Фердинанд, – но не подвигают нас ни на шаг.

– Но, ваше величество, они по меньшей мере указывают путь. Именно используя дар воображения, представляя себе неизвестное на основании известного, испытанного, человек и поднимался всё выше и выше от варварского невежества.

Фердинанд начал выказывать раздражение – у Колона на всё находился ответ.

– Вы вводите нас от реалий в мир грёз, – бросил король.

Колон вскинул голову, словно его оскорбили. Глаза зажглись фанатичным огнём.

– Грёзы! – мощно зазвучал его голос. – Нет на свете такого, что не пригрезилось кому-нибудь, прежде чем стать реальностью. Даже Господь Бог, перед тем как создать наш мир, увидел его своим мысленным взором.

У короля отвисла челюсть. Талавера нахмурился. Но на других лицах, включая королеву, Колон прочитал одобрение, а Сантанхель даже чуть кивнул ему.

Король заговорил вновь, тщательно подбирая слова.

– Я надеюсь, сеньор, в пылу спора вы не впали здесь в ересь. – И повернулся к Талавере, предлагая тому высказаться.

Приор Прадо покачал головой, длинное лицо его окаменело.

– Ереси я не нахожу. Нет. Но всё же... – Теперь он обращался непосредственно к Колону: – Вы зашли на опасную глубину, сеньор.

– Такой уж я есть, выше преподобие.

– Опасность вас не страшит? – сурово спросил монах.

Приору Колон мог отвечать более резко, чем монарху.

– Будь я пуглив, святой отец, я бы не предлагал плыть в неведомое, не боясь всего того, что может встретиться на пути.

Фердинанд, похоже, решил подвести черту.

– Мы не сомневаемся в вашей отваге, сеньор. Если дело было только в этом, мы, наверное, с радостью воспользовались бы вашими услугами. Но... такой уж я человек, что не могу сразу принимать решения, исходя только из того, что мне предлагают.

– Я тоже не сторонница скоропалительных решений, – добавила королева. – Но это не значит, что мы отвергаем ваше предложение, сеньор Колон. Просто сейчас мы не готовы оценить его по достоинству. Его величество и я создадим комиссию из учёных мужей, чтобы те изучили ваши материалы и посоветовали нам, как поступить.

Колон не мог не вспомнить, каково пришлось ему с португальской комиссией учёных невежд, и сердце его упало бы, если б королева не добавила:

– В ближайшее время я снова приму вас, сеньор Колон. А пока оставайтесь при дворе. Мой казначей дон Алонсо де Кинтанилья получит соответствующие указания и позаботится, чтобы вы ни в чём не нуждались.

На этом аудиенция закончилась. Полной победы Колон не одержал, но мог занести в свой актив благоприятное впечатление, произведённое им на королеву.

Вскоре он убедился, что и многие другие сановники относятся к нему более чем благосклонно. И в первую очередь Кинтанилья, в доме которого он поселился по распоряжению королевы. Не только интересная внешность и хорошие манеры обеспечили ему тёплый приём. Война с маврами донельзя истощила ресурсы обоих королевств, и казначей Кастилии постоянно терзался мыслями о том, где взять денег. Государственный корабль удавалось держать на плаву лишь ужесточением преследования евреев. Святой палате развязали руки в поисках тех, кто, приняв христианство, продолжал тайно исповедовать иудаизм. Виновные лишались жизни, а их имущество конфисковалось. Поддержали казну и займы, полученные от богатейших евреев, таких, как Абарбанель и Сеньор, которые отчаянно боролись за то, чтобы хоть как-то ослабить гнёт инквизиции, поскольку гонения на детей Израиля всё усиливались. А кое-кто уже уговаривал короля и королеву издать указ об изгнании всех евреев из Испании с полной конфискацией их имущества, обещая, что полученные таким образом богатства с лихвой перекроют все военные расходы. Пока же деньги добывались с большим трудом, и казначей Кастилии едва ли не более всех хотел познакомиться с тем, кто предлагал открыть Испании сокровищницу Востока. Вот тут Колон мог рассчитывать и на кредит, и на поддержку.

Немалый интерес проявил к нему и Луис де Сантанхель, казначей Арагона. И им двигали мотивы, весьма схожие с мотивами Кинтанильи. Увидев в Колоне потенциального спасителя евреев Испании, он сразу же уверовал, что тот – посланник Божий. (Собственно, и сам Колон придерживался того же мнения.) Ибо, хотя Сантанхель крестился и теперь исповедовал христианство, сердцем он оставался со своим народом. И столь плохо скрывал свои чувства, что однажды ему пришлось ощутить на себе мёртвую хватку Святой палаты Сарагосы. Тогда всё обошлось публичным покаянием. Лишь его незаменимость в государственных делах и любовь повелителей Испании спасли Сантанхеля от самого худшего.

В день аудиенции Сантанхель нашёл Колону в доме Кинтанильи, сжал его руки в своих, заглянул в глаза.

– Я спешу объявить себя вашим другом до того, как ваши деяния позволят вам приобрести столько друзей, что я затеряюсь среди них.

– Иными словами, дон Луис, по доброте своей души вы хотите придать мне мужества.

– И не только. Я верю, что вас ждут великие дела, которыми вы прославите Испанию.

Колон криво улыбнулся.

– Если б и король придерживался того же мнения...

– Король осторожен. Никогда не спешит с принятием решений.

– Мне показалось, он довольно быстро решил, что я – шарлатан.

Дон Луис отшатнулся.

– Откуда у вас такие мысли! Его скептицизм – лишь проверка, и вы выдержали её с честью. Это слова королевы, друг мой. Так что наберитесь терпения, и поверьте мне – ожидание не будет долгим. Сегодня вы отужинаете со мной и доном Алонсо. А завтра вас приглашает маркиза Мойя. Она желает получше узнать вас. Я не ошибусь, если скажу, что ни к кому не прислушивается королева столь внимательно, как к ней, так что постарайтесь произвести на неё наилучшее впечатление. А впрочем, зачем я это говорю. Красота маркизы заставит любого распластаться у её ног.

На следующий день Колону удалось в полной мере насладиться красотой Беатрис де Бобадиля, маркизы Мойя, когда дон Луис привёл его в особняк на Ронде.

Колон разделся, как на приём к королеве, а глаза его светились такой уверенностью, будто он уже достиг желаемого и все препоны остались позади. Маркиза встретила его одобрительной улыбкой.

Вчера на аудиенции он, разумеется, отдал должное её красоте. Но вчера слишком многое отвлекало его внимание, тогда как сегодня ему не было нужды отрывать от неё глаз. Да и какой галантный кавалер мог отвести свой взгляд от этой юной красавицы: высокая, с превосходной фигурой, одетая по последней моде. Чёрные волосы обрамляли белоснежный овал лица, шёлковый чепец сверкал драгоценностями. Влажные алые губы, бездонные чёрные глаза. В платье из жёлтого шёлка с синей каймой, высокой талией и низким вырезом, подчёркивающим грациозность шеи.

Сантанхель, играя роль опекуна, представил Колона.

– Маркиза, я привёл нашего первооткрывателя поцеловать ваши ручки.

Она восприняла эту фразу буквально и протянула руку, белее которой Колону видеть не приходилось, а её кожа показалась ему нежнее атласа. И губы Колона не отрывались от её руки дольше, чем того требовали приличия.

– Могу я предсказать вам будущее? – улыбнулась маркиза. – Испания так же не захочет освободиться от вашей руки, как вы не хотите отпустить мою.

– Вы опьяняете меня своим пророчеством, сеньора.

– Мне представляется, вас не так-то легко опьянить.

– Нет. Разумеется, нет. Но когда вино сладкое и крепкое, я за себя не ручаюсь. Но готов рискнуть.

– Уверенности в себе вам не занимать. Вчера мы в этом убедились.

– Вчера, сеньора, вы видели перед собой мореплавателя, демонстрирующего профессиональные знания.

– О! – Её брови изогнулись. – А сегодня?

– Сегодня я – смиренный проситель, ищущий вашего благоволения.

– Вот смирения я в вас что-то не заметила.

– Вчера же я не решился обратиться к вам.

– Как можно, сеньор, – мягко пожурела его маркиза. – Этим вы поставили бы меня выше королевы.

– Пожалейте меня, сеньора. Не толкайте на предательство.

– Вот этого нам не нужно. В королеве вы нашли верного друга, на поддержку которого можете рассчитывать.

– Мои самые смелые надежды не простирались столь далеко.

– Но почему? – Её глаза вспыхнули. – В конце концов, королева – женщина, и в мужчинах ей нравится отвага. Как и король, она заметила, что её вам хватает с лихвой.

– Она не ошибётся, если поддержит меня. Я выполню всё, что обещаю.

– Вчера вы доказали это более чем убедительно. Не так ли, дон Луис?

– Полностью с вами согласен, – улыбнулся Сантанхель.

– И можете не сомневаться, – заверила Колона маркиза, – я позабочусь о том, чтобы королева ни на день не забывала о вас.

– За это благодарить вас буду не только я, – гордо ответил Колон. – И королева Изабелла, и вся Испания будут перед вами в долгу.

– Ну вот, – рассмеялась маркиза, – теперь я слышу того же человека, что и вчера, сеньор Колон.

Так проговорили они не меньше часа, а при расставании, когда Колон вновь поцеловал руку маркизы, она сказала:

– Считайте нас своими друзьями и приходите к нам, как к себе домой.

На улице в лучах весеннего солнца Сантанхель взял Колона под руку.

– Вы иностранец, сеньор Колон, и можете допустить ошибку, приняв слова, которые мы, испанцы, произносим из вежливости, за чистую монету.

Колон рассмеялся.

– Вы хотите сказать, что испанская вежливость предлагает всё, рассчитывая, что собеседник, будучи таким же вежливым, от всего откажется.

– Понимая, что к чему, вы не станете переоценивать слова маркизы.

– Так же, как и недооценивать её доброту.

– И её благоразумие, – добавил дон Луис. – Донья Беатрис де Бобадилья – ближайшая подруга королевы, пользующаяся немалым на неё влиянием, ей поверяются тайны, недоступные другим. Однако королева Изабелла весьма сурова в вопросах чести и не потерпит ни малейшей фривольности в поведении даже ближайшей подруги. Пожалуйста, имейте это в виду. Тем более есть ещё и Кабрера. – Сантанхель помолчал искоса глядя на Колона, затем прибавил: – Он один из нас.

Колон ничего не понял.

– Один из нас?

– Новый христианин, – объяснил дон Луис. – Пусть он маркиз Мойя, но остаётся сыном рабби Давида из Куэнки.

Многое стало ясно Колону. Значит, как он и догадывался, Сантанхель был мараном, следовательно, жена другого марана была для него священна. Колон же, несмотря на испанизированную фамилию и характерную внешность, мараном не был. Но решил в этом не признаваться, поскольку подобный ответ мог изменить доброе отношение к нему человека, играющего важную роль в государственных делах.

– Понятно, – коротко кивнул он.

– Я не вдавался бы в такие подробности, если бы не полагал, что говорю для вашей же пользы.

– А мне не остаётся ничего другого, как поблагодарить вас. – Колон рассмеялся. – Но не волнуйтесь, сеньор. Кристобаль Колон не тот человек, который может позволить страсти вмешаться в его судьбу. Поставленная мною цель слишком велика, чтобы уступать человеческим слабостям.

– Цель, возможно. Но вы сами? – в голосе казначея Арагона слышалось сомнение. – Будьте поосмотрительнее, мой друг, если вы хотите добиться своего.

И потянулись дни ожидания. Колон, шагая по залам Алькасара, ловил на себе взгляды придворных. Он прошёл долгий путь от маленького домика на Вико Дритто ди Понтичелло в Генуе, где он родился, и всегда искренне полагал, что достоин лучшей доли. Этой убеждёностью объяснялись его патрицианские манеры. Мужчины подталкивали друг друга, когда он проходил мимо, и часто он слышал, как с восторгом произносилось его имя. Гордые гранды, идальго, принцы церкви, известные воители и государственные мужи искали повода познакомиться с ним. И не одна красавица забывала в его присутствии о кастильской сдержанности,

чтобы выразить взглядом своё восхищение. Его окружал ореол загадочности, и, зная об этом, Колон, разумеется, ни в коей мере не пытался развеять его. Никто не мог сказать с определённой точностью, кто он такой и откуда появился при дворе. Кое-кто считал его португальцем, другие – лигурийским дворянином. Некоторые говорили, что он учился в Павии и по праву считался гордостью университета. Упоминалось и о том, что он – знаменитый морской волк, гроза сарацин на Средиземном море. А самые догадливые утверждали, что он плавал в морях, которые ещё не бороздили другие корабли. Соглашались придворные лишь в одном: его внешность, осанка, лёгкость в общении с дотоле незнакомыми людьми, плавность речи, чуть расцвеченный акцентом, безо всякого сомнения, указывали, что Колон – важная птица.

Это дни, когда он запросто общался с цветом общества, стали, возможно, счастливейшими его днями, позволили ему ощутить, что он наконец-то занял достойное место в жизни. Нетерпение покинуло его, ибо не зря говорится: путешествуя со всеми удобствами, нет нужды спешить к месту назначения. Но, к сожалению, всему хорошему приходит конец. Окружающее его сияние меркло по мере того, как неделя сменялась неделей, не принося изменений для Колона. Подруга королевы, маркиза Мойя могла обратиться к нему на публике, не скрывая своего расположения. Сантанхель, по мнению других самый влиятельный сановник двух королевств, мог превозносить его достоинства. Но Колон не мог не почувствовать падение интереса к собственной персоне. И решил обратиться к маркизе Мойя, рассчитывая использовать её влияние при дворе, которым она обладала вследствие близости с королевой.

Он отправился во дворец на Ронде, где его встретили более чем благожелательно, упрекнув в том, что так долго не видели у себя.

– Дело в том, сеньора, – оправдывался Колон, – что я не смел даже подумать об этом.

– Но ведь от первооткрывателя и ждут открытий. – Маркиза пригласила его в гостиную.

– Пока я первооткрыватель, но боюсь, что скоро обо мне забудут.

– Только не я, друг мой. Если б всё зависело от меня или моих напоминаний королеве, у вас давно был бы целый флот. Меня даже попрекнули за мою настойчивость.

Он разыграл раскаяние.

– О, сеньора! И я был тому причиной!

– Я никогда не покину вас, – заверила маркиза Колона с такой теплотой, что тот разом позабыл и предупреждение Сантанхеля, и свои слова о том, что ему чужды человеческие слабости.

– Я ещё не совершил ничего такого, что может заслужить ваше расположение. Мне стыдно, что я пришёл к вам, чтобы досаждать своими заботами.

– Вам надо стыдиться только того, что у вас не нашлось другой причины для визита.

– Я могу лишь вознести молитву, что вы помните о моих делах.

– Молитву? О Господи, сеньор, я не святая, чтобы мне молились.

– Как я могу в это поверить, если мои глаза видят другое?

– И что же они видят? – улыбнулась маркиза.

– Божественную красоту, на которую нельзя взирать со спокойным сердцем. – Он вновь взял маркизу за руку, и на мгновение она не отняла руки.

Но глаза её затуманились. В их чёрных глубинах что-то мелькнуло, возможно, страх, вызванный его жарко полыхнувшей страстью.

Голос её упал до шёпота.

– Сеньор Кристоаль, стоит ли нам совершать глупость, в которой потом придётся раскаиваться. Ваши надежды получить согласие королевы...

– Сейчас пришёл черёд других надежд! – горячо возразил Колон.

– Но не для вас, Кристоаль. Будем же благоразумны, друг мой.

Но спокойствие её тона не смогло сдержать Колона.

– Благоразумны! Что тогда подразумевается под благоразумием? – Чувствовалось, что он сам готов ответить на этот вопрос, но маркиза опередила его.

– Быть благоразумным – значит не ставить под удар то, чего можно добиться, ради иллюзии чего-то лучшего, но, увы, недостижимого. – Она как бы просила его помочь ей устоять. – Что-то я могу дать вам и дать без ограничений. Удовлетворитесь этим. Требуя большего, можно потерять всё. И вам, и мне.

Он вздохнул и склонил голову.

– Всё будет, как вы скажете. Моё единственное желание – служить вам, а не доставлять неприятности.

Ответом ему был нежный взгляд. А появление Кабреры полностью привело их в чувства.

Низкорослый, с кривыми ногами, с улыбающимися, чуть выпученными глазами, он тепло поздоровался с Колоном и не менее тепло попрощался, когда четверть часа спустя тот покинул дворец.

– Определённо я должен приложить все силы, чтобы мечты этого мореплавателя стали явью, – воскликнул Кабрера после ухода Колона. – Он знает, как поддерживать мой интерес к его делам.

– Я рада это слышать.

– И тебя не удивляет, что я готов вылезти из кожи вон, лишь бы побыстрее спровадить его на корабль, отплывающий в Индию или в ад?

– О, Андрес! Ты собрался ревновать меня?

– Нет, – засмеялся Кабрера. – Именно для того, чтобы избавить себя от этого мерзкого чувства, я и хочу помочь только что вышедшему отсюда господину побыстрее поднять якорь.

Рассмеялась и маркиза.

– Я не пошевелю и пальцем, чтобы помешать тебе. Он мечтает о море, а раз я хочу ему добра, то мечтаю, чтобы он вышел в море. К этому мы и будем стремиться.

Она говорила так искренне, что Кабрера решил, что лучше всего свести стычку с женой к шутке. Но не удержался от последней шпильки.

– Едва ли он ждёт выхода в море столь же страстно, как я. Мне кажется, у него есть и другие интересы на берегу.

Разговор этот не пропал впустую, ибо два или три дня спустя Сантанхель подошёл к Колону на одной из галерей Алькасара.

– Выясняется, что у вас больше друзей, чем вы могли ожидать. Кабрера чуть не поссорился с королём, убеждая его принять решение в вашу пользу. Теперь вы можете оценить мудрость моего совета – быть осмотрительнее с очаровательной маркизой. Отсюда и результат – участие Кабреры в вашем проекте.

– Он просто хочет побыстрее избавиться от меня, – саркастично ответил Колон. – Но если он лишь рассердил его величество, то какой мне от этого прок?

– Меня послала к вам королева. Кабрера говорил с ними обоими, и её величество сегодня утром просила заверить вас, что дело скоро сдвинется с места. Столь долгая задержка вызвана лишь тем, что война в самом разгаре, да тут ещё король Франции добавил нам забот.

– Дьявол его побери.

– Это ещё не всё, – лицо казначея посуровело. – Торквемада требует принятия закона об изгнании всех евреев из Испании.

– Пусть сатана лично поджарит его на костре.

Сантанхель сжался в комок.

– Ш-ш-ш! Ради Бога! Людей сейчас сжигают и за куда меньшие прегрешения. Горячностью тут не поможешь. Терпение. Терпение – наше единственное оружие.

– Терпением я сыт по горло. Сколько же можно ещё терпеть!

Но потерпеть пришлось. Король и королева покинули Кордову, держа путь в Гранаду. Двор последовал за ними, Колон – за двором. Сначала в Севилью, потом – на зиму – в Саламанку, где Колон приобрёл нового и очень влиятельного друга – доминиканца Диего Десу, приор монастыря святого Эстебана, наставника юного принца Хуана. Неподдельный, искренний интерес Десы к его проекту оживил уже начавшие угасать надежды Колона. Своим авторитетом Деса поддержал тех друзей Колона, что по-прежнему уговаривали их величеств дать согласие на экспедицию в Индии. И возможно, добились бы своего, но вспыхнувший в Галисии мятеж заставил правителей Испании забыть обо всём другом.

В отчаянии от этой новой задержки, Колон заявил, что все легионы ада ополчились на него, чтобы не дать выполнить волю Господню.

И вот более года спустя после первой аудиенции у королевы, на которую возлагалось столько надежд, Колон вновь прибыл в Кордову. Все забыли о нём, и даже королева не удосужилась предложить ему прежнее место проживания, а он из гордости не стал напоминать о себе. По совету Сантанхеля снял комнату над мастерской портного Бенсабата на Калье Атаюд, самой узкой и кривой улочке города, славящегося узкими и кривыми улочками.

Король и королева, поглощённые подготовкой к решительному штурму Гранады, не могли уделить планам и мечтам мореплавателя ни единой минуты. В результате Колон всё ещё мерил шагами коридоры дворца, ожидая решения своей судьбы. Он, которым ещё недавно все восхищались, попал под прицел насмешников: придворные делились друг с другом стишками, в которых намерение Колона достичь востока через запад сравнивалось с возможностью попасть в рай через ад.

Один из таких стишков достиг ушей мессира Федерико Мочениго, венецианского посла при дворе их величеств королевы Кастильской и короля Арагонского. И хотя в Испании о Колоне вроде бы и думать забыли, в другом дворце сама мысль о возможности достичь востока через запад вызвала немалый переполох.

В далёкой Венеции возник опасный заговор, едва не положивший конец устремлениям Колона.

Глава V. Дож

Венеция того времени, находясь в зените славы и богатства, недавно прибавила к своим владениям Кипр – главный перевалочный пункт, а следовательно, приобрела монопольное право на торговлю между Западом и Востоком. Правил Венецией Агостино Барбариго, элегантный, весёлый, в чём-то даже легкомысленный. Но не эти качества характеризовали его как правителя, а трезвый, расчётливый ум и обострённое чувство патриотизма. Барбариго шёл на любые жертвы, по крайней мере если жертвовать приходилось кем-то ещё, ради сохранения могущества республики. С этой целью он внимательно следил за всем, что происходило при различных королевских дворах Европы, благо его агенты поставляли ему полную информацию.

Сообщение из Испании, полученное от мессира Мочениго, встревожило его светлость, поскольку перед ним вновь возникла проблема, которую однажды ему уже приходилось разрешать. Об этом-то он и думал, сидя со своим шурином Сильвестро Саразином, возглавлявшим наводящий на всех ужас Совет трёх, инквизицию Венецианской республики.

Они находились в одной из комнат дворца дожа, которую Барбариго превратил в личную гостиную. Это была роскошно обставленная комната с любовно подобранными картинами и другими произведениями искусства, на которых глаз мог отдохнуть после многотрудного дня.

Вот и сейчас Саразин, маленький толстячок с жёлтым, как у турка, лицом и двойным подбородком, разглядывал последнее приобретение Барбариго, картину, изображавшую купающуюся Диану.

– Если ты ищешь себе невесту с такими формами, я, пожалуй, начну завидовать тому, что ты – дож. Мадам Леда, я полагаю, – он вздохнул. – А Богу, естественно, придётся превращаться в лебедя.

– Это не Леда. Нет. Диана. Возжелав её, ты рискуешь стать вторым Актеоном. Даже если она пощадит тебя, тебе не избежать мести моей сестры.

– Ты переоцениваешь влияние вашей семьи, – насупился Саразин. – Виргиния – женщина благоразумная. Она не видит того, чего не следует.

– Бедняжка! Значит, ты обрёл её на вечную слепоту.

– Иди-ка ты к дьяволу, – беззлобно ответил Саразин.

Практически одногодки, лет сорока с небольшим, внешне они разительно отличались: толстяк Саразин выглядел на свой возраст. Светловолосый, стройный, высокий дож, разодетый в небесно-синий атлас, сохранял очарование юности. Он поднялся, постоял, засунув большие пальцы за золотой пояс, на его губах заиграла саркастическая улыбка.

– Интересно, как далеко заведёт тебя сладострастие? Мне тут сказали, что тебя видели в новом театре на Санти Джованни. Пристойно ли это государственному инквизитору?

Взгляд синих, вылезających из орбит глаз Саразина впился в дожа.

– Тебе сказали? Кто же? Небось твои шпионы? Больше никто не мог узнать меня. Да, я не могу отказать себе в удовольствии ходить в этот театр. Но не могу и допустить, чтобы меня там видели. Поэтому появляюсь в плаще и маске. И не стоит меня в этом упрекать. Я хожу туда по долгу службы.

Саразин не лгал. Театр, который открыл Анджело Рудзанте, привлекал зрителей необычностью пьес и постановок. Назывался он Зал Лошади, Сала дель Кавальо, вероятно, потому, что располагался на маленькой площади, украшенной громадной конной статуей.

– Тебе не занимать усердия, когда работу можно совместить с удовольствием, – усмехнулся дож. – И что ты там увидел?

– Повода для неодобрения я не нашёл. Они играли несколько комедий, не хуже тех, что я видел во дворце патриарха. Есть у них канатоходец, от выступления которого замирает душа,

восточный жонглёр, пожиратель огня и девушка, совсем как райская дева в представлении мусульман.

– Бедная моя обманутая сестра! И что делает она, эта дева из рая?

– Танцует сарабанду, заморский сарацинский танец, аккомпанируя себе какими-то трещотками, называемыми кастаньетами. Тоже, наверное, завезённые от мавров. Ещё она поёт под гитару, как соловей или одна из сирен, что завлекали Улисса.

Барбариго рассмеялся.

– Райская дева, соловей, сирена. Откуда взялось такое чудо?

– Мне сказали, из Испании. Песни у неё испанские, андалузские, кровь от них начинает быстрее бегать по жилам.

Весёлость дожа сняло как рукой.

– Из Испании? Ха! Как раз об Испании я и хотел с тобой поговорить. – Танцующей походкой он прошёлся к окну, вернулся обратно, пододвинул к себе стул. Сел. – Я получил из Испании тревожные новости.

Саразин весь подобрался.

– Насчёт Неаполя?

– Нет, нет, речь пойдёт о другом. Угроза эта ещё не определённа, но однажды она уже возникала. В Португалии два года назад. Тогда мне удалось подавить её. Пришлось изрядно потрудиться и заплатить кругленькую сумму. На этот раз, боюсь, деньги не помогут.

– Угроза, говоришь? – переспросил Саразин.

Барбариго положил ногу на ногу, чуть наклонился вперёд, упёршись локтем в колено.

– Шляется по свету один лигурийский авантюрист, сам знаешь, из лигурийца ничего путного выйти не может. Он утверждает, что может добраться до Индий западным путём.

На лице Саразина отразилось облегчение.

– Сумасшедший, – облегчение сменилось презрительной усмешкой. – Сказки всё это.

– Лигуриец утверждает, что у него есть карта, вычерченная самим Тосканелли из Флоренции, – добавил Барбариго.

– Тосканелли? – удивился Саразин. – Ба! Неужели Тосканелли в старости выжил из ума?

– О нет! Лучшего математика ещё не рождала земля. Он действительно нарисовал карту, основываясь на открытиях нашего Марко Поло и собственных математических расчётах. Карту эту вместе с письменными обоснованиями он послал этому бродяге-лигурийцу, Коломбо, Кристоферу Коломбо, в Португалию.

– Как ты всё это узнал? И с какой стати Тосканелли якшаться с бродягами?

– Этот Коломбо немало плавал по морям и преуспел в составлении карт. Как я понял из полученных мною донесений, Коломбо вбил себе в голову, что Индий можно достичь, плывя на запад, и обратился за советом к Тосканелли. Так уж вышло, что мечты лигурийца совпали с выкладками флорентийского математика. И Тосканелли снабдил лигурийца картой, гордый тем, что открытия можно делать, не выходя из кабинета, нисколько не задумываясь, сколько бед могут принести они в реальной жизни.

С этой картой Коломбо отправился к королеве Португалии. Имя и слава Тосканелли открыли ему двери королевского дворца. Король Жуан, покровительствующий мореплавателям, так как они принесли ему несметные богатства, созвал комиссию из людей, которым доверял. К счастью, как и все комиссии, эта не спешила с выводами. И мои агенты, державшие меня в курсе событий, успели в точности выполнить мои указания. Мы подкупили двух членов комиссии. Третьего, еврея, подкупить не удалось. Может, этот Коломбо тоже еврей. Не знаю. Во всяком случае, двумя голосами против одного предложение Коломбо отвергли, карту и письмо Тосканелли предали забвению.

Но недавно мне сообщили из Испании, что этот молодчик объявился вновь, изменил фамилию на испанский манер и называет себя Колон. Теперь он пытается добиться своего у

владык Испании. Пока его успехи весьма ничтожны, потому что война с маврами отнимает всё время и деньги их величеств. Но едва падёт Гранада, он получит свой шанс. Многие влиятельные сановники с ним заодно, и Испания, возможно, предпримет попытку обогатиться за счёт заморских владений, как поступила ранее Португалия.

Дож замолчал, а Саразин всё не мог взять в толк, к чему тот клонит.

– Ну и что? Какое нам дело до обогащения Испании?

– То ли ты меня не понял, то ли уже забыл, с чего я начал. Колумбо предлагает открыть западный путь к Индиям. Если ему это удастся, что станет с богатством и могуществом Венеции, построенными и сохраняемыми нашей монополией на торговлю с Востоком, которая идёт через наши рынки?

Саразина аж передёрнуло.

– Помилуй нас Бог! – воскликнул он.

Барбариго встал.

– Ситуация тебе, стало быть, ясна. Каким же будет наше решение? Взятки на этот раз не помогут. Королева Изабелла очень умна, Фердинанд – очень расчётлив. Они или примут решение сами, или назначат комиссию, к членам которой подступиться я не смогу.

Глаза Саразина сузились.

– Есть простое решение. Люди, слава Богу, смертны. Ты сможешь подступиться к Колумбо. В подобных случаях цель оправдывает средства.

Но Дож покачал головой.

– Всё не так просто. Иначе я не стал бы колебаться. Человек этот – пустое место. Важны карта и письмо. Не попав к нам, они будут висеть над нами постоянной угрозой, в руках Колумбо или кого-либо ещё. Венеция будет в опасности, пока мы не заполучим их. В Португалии я попробовал разделаться с ним. Но мои агенты опростоволосились. Колумбо устроили засаду в Лиссабоне. Но он сумел отразить первые удары, а потом к нему подросла поддержка. После этого он передал документы на хранение казначею. Я полагал, там они и остались, когда комиссия отвергла его предложение. Но он каким-то образом вновь заполучил их. И едва ли мы сможем отнять их у него силой.

Саразин задумался.

– Вынесем вопрос на Большой совет, – наконец изрёк он.

– Если я бессилен, то чем поможет Большой совет?

– Республика может купить его. У каждого человека есть цена.

– Было и такое. Колумбо выгнал моего человека. Этого и следовало ожидать. Если у тебя есть возможность открыть империю, этим можно поступиться, лишь получив империю взамен. Так что мерзавец знает себе цену.

Саразин нашёлся и здесь.

– Так перекупи его у Испании. Найди его, и пусть он откроет Индии для Венеции.

– А какая нам от этого будет выгода? По единожды проторённой дорожке устремится весь мир.

– А разве мы ничего не сможем приобрести в той империи, которую он грозит открыть?

– Я не могу полностью полагаться на его слова. То, что есть у нас сейчас, – это реальность, и мы не можем отказываться от неё ради призрачной мечты.

– Ну, тогда я сдаюсь. Больше мне предложить нечего.

– Мне, к сожалению, тоже, но мы должны найти выход и растоптать этого авантюриста. Подумай над этим. А пока, – он приложил палец к губам, – никому ни слова!

Глава VI. Ла Хитанилья

Театр, основанный Анджело Рудзанте в Сала дель Кавальо, процветал. Растущая популярность постепенно привела к тому, что чернь, поначалу заполнявшая театр, уступила место аристократии, и скоро на скамьях восседал цвет общества Венеции.

Верным поклонником театра стал и дон Рамон де Агилар, граф Арияс, посол Кастилии и Арагона в Венецианской республике. Пренебрегая мнением окружающих, гордый кастилец, презиравший всех, кроме испанцев, в отличие от Саразина ходил в театр открыто, не делая секрета из того, что Ла Хитанилья всё более притягивала его к себе. После завершения её выступления он обычно уходил, не обращая внимания на ахи и охи зрителей, перед которыми выделял чудеса канатоходец Рудзанте. Кое-кто, правда, говорил, что дон Рамон влекла в театр возможность услышать родные испанские песни, а не сама певица. По правде же говоря, у него не было музыкального слуха, а в красоте он разбирался и мог представить себе, какое блаженство сулят чёрные, жаркие глаза Ла Хитанильи.

Естественно, у него возникало желание отблагодарить певицу за радость, доставленную земляку на чужбине. Он посылал ей цветы, сладости, украшения. Пользуясь своим положением, он добился у Рудзанте права видиться с ней между выступлениями, но был принят сдержанно и даже холодно.

Едва ли не при первой встрече, неправильно истолковав её сдержанность и пытаясь расположить певицу к себе, граф воскликнул:

– Дитя, забудьте о переполняющем вас почтении ко мне.

– А почему оно должно переполнять меня? – сухо спросила Ла Хитанилья. – Вы – известный идалго, знатный гранд, я это знаю. Но вы же не Бог, а я чту только его.

Другого такой приём обратил бы в бегство, но граф решил, что это лишь профессиональный ход, призванный ещё более разжечь в нём желание. И отшутился:

– Но ведь и вы, судя по всему, не богиня.

Певица, однако, и далее оставалась такой же недоступной, чем в немалой степени раздражала тщеславие графа, привыкшего к лёгким победам.

И ей приходилось снова и снова принимать дон Рамона в своей гримёрной, поскольку Рудзанте прямо заявил ей, что испанский посол – слишком важная персона, чтобы отказывать ему в такой малости. Но ни великолепие его наряда, ни всё ещё приятная наружность, ни красноречие не могли растопить сердце красавицы.

Дон Рамон начал выказывать нетерпение. Можно, конечно, прикидываться скромницей, но до каких пор? Надо же и честь знать! Вот и тем утром он размышлял, как положить конец этому затянувшемуся сопротивлению, когда ему доложили, что женщина, назвавшаяся Ла Хитанилья, умоляет его высочество принять её.

Губы дон Рамона медленно изогнулись в улыбке. Ещё раз взглянув на себя в зеркало и оставшись довольным увиденным, он поспешил к неожиданной гостье.

Она ждала его в длинной комнате, балкон которой выходил на Большой канал, залитый утренними лучами февральского солнца, и метнулась ему навстречу – от былой скромности не осталось и следа.

– Ваше высочество, вы так добры, согласившись принять меня.

– Добр? – он вроде бы обиделся. – Обожаемая Беатрис, разве я когда-нибудь вёл себя иначе по отношению к вам?

– Это-то и придало мне смелости.

– Так проявите её. Почему бы вам не снять ваш плащ?

Покорно она сняла коричневую мантилью с капюшоном, закрывавшую её с головы до пят, и осталась в светло-коричневом облегающем платье, подчёркивающим достоинства её фигуры.

Её рост, и так чуть выше среднего, оптически увеличивался за счёт удлинённой талии. Локоны светло-каштановых волос украшала одна узенькая золотая цепочка.

Дон Рамон оценивающе оглядел её. Нежная кожа лица и шеи цвета слоновой кости, пятна румянца на скулах. Высокая грудь, от волнения часто поднимающаяся и опускающаяся. Осанка и грация танцовщицы. Нет, это не обычная потаскушка или цыганская колдунья, как можно понять из её сценического имени. Скорее всего, думал он, в этих венах, так нежно просвечивающих сквозь белоснежную кожу шеи, течёт благородная кастильская кровь. Иначе откуда такая гордость, уверенность в себе, чуть ли не патрицианское чувство собственного достоинства. Да, при всей своей разборчивости он не мог найти в ней ни единого недостатка.

Ясные, карие глаза смотрели на него из-под прекрасных чёрных бровей.

– Я пришла к вам просительницей, – в её низком голосе слышалась чарующая хриповатость.

– Нет, нет, – галантно возразил он. – Здесь – никогда. Тут вы можете только командовать. Она отвела глаза.

– Я пришла к вам как к послу их величеств.

– Тогда мне остаётся лишь возблагодарить Бога, что я посол. Не присесть ли вам?

За руку он отвёл её к дивану напротив окон. Сам же остался стоять спиной к свету.

– Дело, по которому я пришла к вам, касается испанца, подданного их величеств. Речь идёт о моём брате.

– У вас есть брат? Здесь, в Венеции? Ну-ну, расскажите мне поподробнее.

Она рассказала, путаясь и сбиваясь от волнения. Неделью назад, в таверне Дженнаро в Мерсерии, вспыхнула ссора, засверкали кинжалы, и дворянин из рода Морозини получил жестокий удар. В последующей суматохе, когда Морозини выносили, её брат, находившийся в это время в таверне, поднял с пола кинжал. Рукоятку украшали драгоценные камни, и брат... – она вспыхнула от стыда – взял его себе. Два дня назад он продал кинжал еврею – золотых дел мастеру с Сан-Мойзе. Кинжал признали принадлежащим Морозини, и этой ночью брата арестовали.

Дон Рамон насупился.

– Дело столь ясное, что едва ли мы сможем что-либо предпринять. Ваш несчастный брат, обвиняемый в краже, не может рассчитывать на защиту посла.

Она побледнела. Глаза превратились в озёра страха.

– Это... это не кража, – взмолилась она. – Он поднял кинжал с пола.

– Но он продал кинжал. Безумие. Разве он не знает, сколь суровы законы республики?

– Откуда ему знать их, он же кастилец.

– Но кража есть кража, в Венеции или Кастилии. Что заставило его пойти на такой риск?

– Ума не приложу, потому что я зарабатываю достаточно, чтобы содержать и его, и себя, – не без горечи ответила она. – Но, может, я ограничивала его. Он жаждал большего, чем позволяли мои заработки.

– Ваш рассказ глубоко тронул меня, – посочувствовал дон Рамон. – Что привело вас в Италию?

Чтобы сохранить его симпатии, в надежде, что он не бросит её в беде, она рассказала всё, как есть, ничего не скрывая. Она покинула Испанию, уступив настойчивым просьбам брата. Он попал в беду. Убил человека в Кордове. О, убил честно, в открытом бою. Но его противник принадлежал к влиятельной семье. Разбором дела занялся алькальд. Его альгасилы начали розыски её брата. И ему не оставалось ничего другого, как бежать из Испании. Она любила брата, знала, как он слаб и беспомощен. Кроме того, в Испании её ничего не удерживало, и она согласилась уехать с ним. Она рассчитывала, что своим талантом сможет прокормить их обоих. Год назад они прибыли в Геную, и с тех пор она пела и танцевала в Милане, Павии, Бергамо, пока не оказалась в Венеции.

– А теперь... – Она всхлипнула. – Если Ваше высочество не поможет нам, Пабло... – И её плечи задрожали от рыданий.

Опасность, грозившая никчёмному брату, ничуть не тронула дона Рамона. Вор, полагал он, должен понести заслуженное наказание. Но он не смог устоять перед плачущей красавицей.

– Надо искать выход. Нельзя оставлять его в лапах венецианцев.

Произнося эти слова, дон Рамон опустился на диван, и его украшенная перстнями рука легонько легла на плечо Ла Хитанильи.

– Официально вмешиваться я не имею права. Но если я обращаюсь лично – это совсем другое дело. В конце концов, я пользуюсь здесь кое-каким влиянием. Попытаемся использовать его с максимальной пользой.

– Я благословляю вас за надежду, которую вы вселили в меня, – дыхание её участилось, щёки вновь зарумянились.

– О, я даю вам более чем надежду. Я даю вам уверенность. Не в интересах республики отказывать испанскому послу, даже если он высказывает личную просьбу. Так что довольно слёз, дитя моё, такие божественные глазки должны сиять. Ваш брат вскорости будет с вами. Даю вам слово. Его зовут Пабло, не так ли?

– Пабло де Арана. – Она подняла голову и повернулась к послу, преисполненная благодарности. – Да отблагодарит вас Святая дева.

– Святая дева! – Его высочество скорчил гримаску. – Значит, я должен ждать, пока окажусь на небесах? Ничто человеческое мне не чуждо, и я хотел бы, чтобы меня отблагодарили в этом мире.

Свет померк в её глазах, и она отвернулась. Дон Рамон нахмурился, а затем протянул руку, коснулся её подбородка и, повернув её лицо к себе, взглянул в глаза. В них он прочёл страх и презрение. Дон Рамон почувствовал, что её вновь окружает ледяная стена, и никак не мог взять в толк, чем же это вызвано.

– Что с вами, моя Хитанилья? Вы хотите отвергнуть меня, когда я готов вам помочь? Мне кажется, я заслуживаю лучшего отношения. Стоит ли разыгрывать со мной такую недотрогу?

– Я ничего не разыгрываю, – её глаза гордо блеснули. – Ваше высочество, похоже, и представить себе не может, что я – честная женщина.

Раздражение дона Рамона прорвалось наружу.

– Добродетель, выставляющая себя на сцене! Ха! Как-то не верится. – Он отпустил её подбородок и поднялся. – Впрочем, навязываться я не собираюсь.

Прodelал он это достаточно искусно, и Ла Хитанилью охватила паника.

– Мой господин! Помогите мне, и небеса воздадут вам за ваше милосердие.

С усмешкой взглянул на неё дон Рамон.

– Значит, ваши долги за вас платят небеса? Пусть тогда небеса и спасают вашего брата от отсечения руки, галер или даже смерти.

Ла Хитанилья содрогнулась от ужаса.

– Так безжалостно...

– На какую жалость вы рассчитываете? Вы сами пожалели меня? Разве не безжалостно отвергать сжигающую меня любовь? Вы хоть представляете себе, какая ревность гложет меня, когда я вижу, как другие пожирают вас глазами? Я хочу оградить вас от всего этого, чтобы наслаждение вы дарили только мне. – Он помолчал. – Скоро я возвращаюсь в Испанию. Вы вернётесь со мной, под моей защитой. А ваш брат... Как я и сказал, я сделаю всё, что смогу.

При всей добродетельности Ла Хитанилья знала мир, в котором она жила. За два последних года она повидала всякое, ибо теперь полностью зависела от своего таланта и своей красоты. Если одной рукой её поддерживали, то другой тут же требовали расплаты. В этой непрерывной борьбе воля её закалилась, и галантные слова уже пролетали мимо ушей. Пока ей удавалось противостоять всяческим притязаниям, она научилась идти по мирской грязи, не

пачкаясь. Но сейчас ей предлагалось выбрать между жизнью брата и собственной честью. И спасти Пабло мог только обман. Она должна завлечь этого человека обещаниями, а затем оставить его с носом, когда он вызволит брата из тюрьмы. И совесть не должна мучить её, потому что этот злой человек, стремящийся нажиться на чужой беде, не заслуживал иного.

Отвернувшись, чтобы он не увидел стыда в её глазах, Ла Хитанилья ответила:

– Спасите Пабло, мой господин, и тогда... – Голос её прервался.

Дон Рамон придвинулся к ней. Она почувствовала на своей щеке его дыхание.

– И тогда?

– О, неужели вы не можете этого сделать, не торгуясь? – взорвалась Ла Хитанилья.

Дон Рамон изумился, ибо он-то ожидал смирения.

– Лёд! – воскликнул он. – Камень! Хитанилья! Хитанилья! Из чего вы созданы, из плоти или гранита?

Она закрыла лицо руками, чтобы не видеть его.

– У меня горе, – ответила она, всё ещё рассчитывая на его благородство.

Она встала, взяла плащ. Он подошёл, чтобы помочь ей одеться, наклонился и прижался к её щеке жаркими губами.

Резкость, с которой она отпрянула, привела дон Рамона в ярость.

– Думаете, меня можно пронять, отвечая жестокостью на великодушие? Приходите снова, когда поймёте, что так ничего не выйдет.

Она выбежала из комнаты, ничего не ответив.

А дон Рамон подошёл к окну, задумчиво посмотрел на Большой канал. Он остался недоволен собой. Где-то допустил ошибку. Был же момент, когда она помягчала, а ему не удалось этим воспользоваться. В том, что она придёт вновь, дон Рамон не сомневался. А пока нужно принять меры для освобождения её брата, решил он, чтобы при следующей встрече объяснить ей, к какому результату приведёт доброе к нему отношение. Она, похоже, из тех женщин, добиться от которых чего-либо можно, лишь проявляя к ним должное безразличие.

Так истолковал дон Рамон её поведение, приходя к выводу, что игра стоит свеч.

Глава VII. Инквизиторы

Среди мудрых установлений Венецианской республики было и запрещающее её дожу любые контакты с представителями других государств. В этом, как и во всём другом, Агостино Барбариго воспринимал закон, как считал удобным для себя. Будучи дожем, он, естественно, не принимал послов в своём дворце, но как частное лицо неофициально не отказывал себе в том, чтобы поддерживать тесные отношения с некоторыми из них, в том числе с доном Рамон де Агиларом. Он не видел ничего дурного в том, что нарушал дух закона, соблюдая его букву, поскольку полагал, что заслуги перед государством дают ему на это право.

Отсюда становится понятным, почему дон Рамон прибыл к ступенькам дворца дожа, спускающимся к Большому каналу, на маленькой гондоле, а не на роскошной посольской с моряками в парадной форме. Произошло это через час после ухода Ла Хитанильи.

Саразин вновь сидел в гостиной дожа, когда посла ввели в эту роскошно обставленную комнату. Невзирая на присутствие инквизитора, сразу же после приветствий испанец перешёл к делу.

– Я – проситель. И рассчитываю на вашу милость.

Дож в алой тунике, падающей на одну алию, а вторую – белую штанины, в маленькой шапочке алого цвета, вышитой золотом, элегантно поклонился.

– Я к вашим услугам, Ваше высочество, если это в моих силах.

– Я в этом не сомневаюсь. Дело-то пустяковое. Один бедолага, мой соотечественник, нарушил закон. Он нашёл кинжал, а потом набрался смелости и продал его. Разумеется, это классифицируется как кража, но, принимая во внимание его незнание местных порядков, я надеюсь, что ваша светлость помилует его.

Саразин, удобно развалившийся в кресле, удивлённо изогнул бровь, а дож стоял, нахмурившись, потирая чисто выбритый подбородок.

– Мы не жалуем воров в Венеции, – в голосе его слышалось сомнение.

– О, мне это хорошо известно. Но едва ли случившееся можно назвать кражей. Этот человек не крал кинжала, во всяком случае сознательно. Он его нашёл. Если ваша светлость сочтёт возможным не заметить это правонарушение, едва ли кто станет возражать. Я же окажусь у вас в долгу.

– Ну, если вы так ставите вопрос... – дож неопределённо взмахнул рукой. – Хотя я не могу не удивиться тому, что граф Арияс проявляет такой интерес к какому-то бедняку.

Дон Рамон искренне полагал, что с весельчаком Барбариго следует говорить откровенно.

– Меня интересует не он, а его сестра, очаровательная Хитанилья. Она умоляла меня вмешаться, а такой заступник превратит святого в дьявола, а дьявола – в святого.

– Так в кого же она превратила вас?

Дон Рамон рассмеялся.

– Я всего лишь смертный, а плоть человеческая слаба. Я не мог устоять перед очаровательной женщиной.

– При условии, – пробормотал Саразин, – что потом и она не станет отказывать вашему высочеству.

– Если мне представится такая возможность, упускать её я не намерен. На моём месте вы, сеньор, наверное, поступили бы точно так же.

– Ещё бы! Ещё бы! – Саразин расхохотался. – Я-то видел Ла Хитанилью и на таких условиях освободил бы всех воров Венеции.

– Моей сестре, как вы видите сами, – вздохнул Барбариго, – не повезло с мужем. Что же касается этого воришки, я, как и обещал, постараюсь помочь вашему высочеству. Раз он иностранец и вина его невелика...

- Вина пустяковая, я в этом уверен.
- Если так, то я не вижу препятствий для его освобождения при условии, что он немедленно покинет пределы республики. Как его зовут?
- Пабло де Арана, – ответил дон Рамон и рассыпался в благодарностях.
- После его ухода Саразин тяжело поднялся с места.
- Если твоей сестре не повезло с мужем, то в таком же положении оказалась и республика. Что можно сказать о доже, не уважающем закон?
- Для меня высший закон – благополучие государства, – улыбнулся Дож. – Остальные законы – для моих подданных.
- Да спасёт нас Бог! Освобождение вора служит укреплению благополучия государства. Похоже, мне вновь пора идти в школу.
- Если это освобождение приводит к тому, что посол Испании чувствует себя нашим должником, то да. Разве ты забыл, что я говорил тебе о мессире Кристофери Колумбо, лигурийском мореплавателе?
- Саразин уставился на дожа.
- А чем сможет помочь тебе Ариас?
- Не знаю. Пока. Но я не пренебрегаю ни одной ниточкой, которая тянется в Испанию. Пусть он получит этого вора и его сестру-танцовщицу.
- Вора пусть берёт. А вот Хитанилью жалко. Она заслуживает лучшей участи.
- Например, постели государственного инквизитора. Жаль, что ей это не известно. Иначе она обратилась бы к тебе, а не к дону Рамону. Не везёт тебе, Сильвестро.
- Во всяком случае, везёт меньше, чем дону Рамону. Ну да ладно. Что значит один вор в этом мире воров.
- Но днём позже Саразин изменил своё мнение.
- Тяжело дыша, весь в поту от быстрой ходьбы, он влетел в кабинет дожа и первым делом потребовал отослать секретаря, с которым работал Барбариго.
- Что случилось? – поинтересовался дож, когда они остались одни. – Султан Баязид объявил войну?
- К дьяволу Баязида. Этот испанский воришка, Арана. Я слышал от мессира Гранде, что ты подписал приказ об его освобождении.
- Это не в моих правилах, – согласился дож. – Но разве я не пообещал освободить его изнывающему от любви послу?
- К счастью, вчера ты пообещал освободить его от наказания за кражу. Но сегодня в Совет трёх поступило донесение, из которого следует, что Арана, приехавший к нам из Милана, может быть агентом герцога Лодовико.
- Барбариго отмахнулся.
- Миланский шпион? Маловероятно. Отношения с Испанией у герцога Лодовико не лучше, чем с нами.
- Не стоит тебе быть таким доверчивым. В шпионаже всё возможно. Донесение поступило от Галлино, а он один из лучших наших агентов. Так что речь идёт не о краже, а о преступлении против государства. Этому человеку не место в обычной тюрьме. Его нужно передать инквизиторам. Мне.
- Тебе? – Глаза дожа весело блеснули. – Значит, тебе? Интересная мысль, Сильвестро. И ты намерен сыграть с Хитанильей в ту же игру, что и дон Рамон, используя её воришку-братца как козырного туза?
- Шутка твоя мне не понравилась. Разве я когда-либо пользовался своей должностью в корыстных целях? Поговорим серьёзно. Этого человека нельзя освобождать. Во всяком случае, пока мы не допросим его.

Дож на мгновение нахмурился, ибо в голове его родилась новая идея, реализации которой освобождение Араны могло только помешать, а затем на его губах заиграла лёгкая улыбка.

– Да, да, как ты и говоришь, речь идёт теперь не просто о краже. Пусть он и не шпион, но с этим необходимо тщательно разобраться. – Он вздохнул. – Боюсь, нам придётся разочаровать дона Рамона. Печально, конечно, но... Этого испанского мерзавца допроси немедленно. Но поначалу без пыток, Сильвестро. И одновременно допроси девушку.

И в тот же день два здоровяка-стражника спустились в мрачную подземную тюрьму Подзи, расположенную под дворцом дожа, и вывели оттуда испанского узника, и так-то не избалованного жизнью, а за сорок восемь часов, проведённых в вонючей камере, превратившегося в комок страха.

Сжавшись, сидел он на деревянной полке, не решаясь заснуть из-за полчищ крыс, мечущихся в крошечной тьме камеры. При виде стражников, огромных и страшных в слабом свете фонаря-коптилки, который они принесли с собой, вопль ужаса исторгся из груди Араны. Он принял их за палача и помощника.

Его, как могли, успокоили и препроводили наверх, в маленький зал заседаний Тройки.

Инквизиторы уже ждали его, важно восседавая в кожаных креслах за полированным столом. Саразин посередине, в красном, двое других по бокам, в чёрном.

Жалкий, перепуганный, щурясь от света, с чёрной щетиной на щеках и подбородке, провонявший тюрьмой, Арана дрожал мелкой дрожью, а инквизиторы сурово разглядывали его, не произнося ни слова.

Наконец Саразин прервал затянувшееся молчание. Про кражу упомянули и тут же забыли, так как один из чёрных инквизиторов совершенно справедливо отметил, что мера наказания не входит в компетенцию особого трибунала. Но Пабло сообщили, что совершённое им правонарушение карается отсечением правой руки или длительным сроком ссылки на галеры республики. Решать, однако, должен суд низшей инстанции, поскольку Совет трёх разбирает более серьёзные преступления.

Допрос повёл Саразин.

Признаёт ли Арана, что приехал в Венецию из Милана? Тот признал. Что он делал в Милане и по какому делу приехал в Венецию? Арану предупредили, что запирательство бесполезно, поскольку, чтобы добиться правды, трибунал готов пойти на применение пыток, поэтому лучше сразу говорить всё, как есть.

И он рассказал, поминутно призывая всех святых, упомянутых в календаре, в свидетели тому, что не лжёт. В Венеции у него не было никаких дел, кроме как охранять сестру, Беатрис Энрикес де Арана, известную как Ла Хитанилья.

Саразин саркастически улыбнулся.

– Ты телохранитель? Остаётся только пожалеть женщину, которая доверилась таким заботам. Но это неважно. Мы хотим знать, почему ты не мог охранять её в Милане?

Он с радостью остался бы в Милане, затараторил Пабло. Но мессир Анджело Рудзанте увидел одно из выступлений сестры и уговорил её переехать в Венецию, пообещав хорошие деньги.

Саразин погладил двойной подбородок.

– И это всё? Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. У тебя не было другой причины переехать в Венецию?

Другой причины не было. Он приехал потому, что не мог оставить сестру одну, так как жизнь актрисы полна опасностей. На этот раз он призвал в свидетели святого Яго де Компостело, чем вновь позабавил красного инквизитора.

– Я сомневаюсь, что святой Яго де Компостело покинет чертоги рая, чтобы свидетельствовать за такого подонка, как ты. Но мы вызовем Рудзанте и эту женщину. После того как

мы услышим, что они скажут в подтверждение твоих слов, очередь снова дойдёт до тебя. – И он махнул пухлой ручкой. – Увидите его.

Рудзанте, допрошенный Советом трёх в тот же день, подтвердил версию узника. Достаточно образованный, остроумный, он своими показаниями сослужил Пабло неплохую службу.

После Рудзанте перед инквизиторами предстала Ла Хитанилья, которую привёл агент трибунала Галлино, тот самый, кто заподозрил её брата в шпионской деятельности.

Она стояла перед ними, прямая, гибкая, внешне ничем не выдавая охватившего её страха.

Через вопросы, не имеющих никакого отношения к краже, встревожили её ещё больше. Не поддаваясь панике, она отвечала низким, ровным голосом, мелодичность которого всегда завоёвывала зрителей. Но эти трое пожилых мужчин не поддавались её чарам. Чёрные инквизиторы по очереди задавали вопросы, от которых веяло адским холодом, в то время как Саразин сидел, пристально разглядывая её.

На вопросы, что она делала в Милане и почему переехала в Венецию, Ла Хитанилья ответила без запинки. Твёрдо заявила, что брат не принуждал её принять предложение Рудзанте, он вообще не участвовал в переговорах. Сразу же назвала имена артистов, с которыми выступала в Милане. Затем своими вопросами они вернули её в Испанию, пожелав узнать, по какой причине они с братом уехали из страны. Скрыть истину ей не удалось, она запуталась, её уличили во лжи, поэтому пришлось сознаться, что её брат бежал, чтобы не попасть на скамью подсудимых.

Когда же допрос приближался к завершению, раскрылась узкая дверь позади инквизиторов, и в дверном проёме возникла одетая в золото фигура. Дож республики Барбариго прибыл прямо с заседания Большого совета, в парадном наряде, в золотой шапочке на белокурой голове.

Знаком руки он остановил начавших подниматься инквизиторов, предлагая им продолжать, а сам остался стоять у стены, затворив дверь.

Сам же он внимательно рассматривал свидетельницу, в длинной синей мантилье, с отброшенным на спину капюшоном. В огромных глазах под чёрными бровями он видел гордость, за которой таился страх. Чувственный рот, нежно округлый подбородок. Красота красотой, но в женщине чувствовалась благородная кровь. Он, конечно, мог понять, почему дон Рамон де Агилар не мог ей ни в чём отказать, но ему претила сама мысль о том, что такая жемчужина достанется жалкому ничтожеству. Считая себя знатоком человеческой природы, он ясно видел, что даже святому Антонию понадобилось собрать в кулак всю свою силу воли, чтобы не уступить очарованию Ла Хитанильи.

Когда же Саразин отпустил её с допроса, дож отметил, с каким достоинством эта танцовщица склонила голову, показывая, что слышит его.

И тут дож подал голос.

– Пусть она подождёт в приёмной.

Едва за ней закрылась дверь, Саразин оглянулся и в изумлении воззрился на Барбариго. Но увидел не шурина, но дожа и ничего не сказал. А тот обошёл стол и остановился перед инквизиторами.

– Так что вы выяснили?

– Самую малость, – ответил Саразин. – Арана – ничтожество на которое эта женщина растрчивает свою любовь. Он паразитирует на ней, а она ради него пойдёт на дыбу. – Старший инквизитор взглянул на коллег, которые согласно закивали. – Таким образом, её показаниям грош цена, но они совпадают с ответами Рудзанте, да и сам Арана говорил то же самое. Но, возможно, Рудзанте и девушке известно далеко не всё. Всё-таки Галлино – наш лучший агент, и раз у него возникли подозрения...

Но дож прервал его. Ему всё стало ясно.

– Неважно. Если вам угодно, можете продолжить расследование. – Он помолчал, потирая подбородок. – Значит, ради него она пойдёт на дыбу? И у меня создалось такое же впечатление. Под этой внешней холодностью таится жаркое пламя. Обойдёмся с ней помягче. Наверное, ей хочется повидаться с братом. Поможем ей в этом.

– Если ваша светлость приказывает, я распоряжусь привести его к ней.

– Нет, нет. Наоборот, отведите её к нему.

Один из чёрных инквизиторов ахнул.

– Он же в Подзи, ваша светлость!

Барбариго мрачно улыбнулся.

– Я знаю. Там она и увидит его.

Глава VIII. Брат и сестра

Пабло де Арана, вновь оказавшись в камере, впал в отчаяние, несравнимое с тем, что терзало его до допроса. Но не прошло и двух часов, как, к его полному изумлению, заскрежетал ключ в замке, отворилась дверь, и за ней возникло жёлтое пятно фонаря.

Как загнанное в западню животное, он в страхе прижался к стене, а затем, разглядев, кто пришёл, подался вперёд, к сестре.

Тюремщик поставил фонарь рядом с ней на верхнюю из трёх ступеней, ведущих вниз. Ла Хитанилья спустилась вниз на одну ступеньку, но тут же отшатнулась от чавкающей грязи. Тюремщик громко расхохотался.

– Да, чистота тут не та, что в дамской гостиной. Но он именно здесь. Мне приказано оставить вас с ним на десять минут.

Гулко хлопнула дверь, брат и сестра остались наедине.

На мгновение в камере повисло тяжёлое молчание. Затем Пабло разлепил губы, прохрипев имя сестры.

– Беатрис!

Из её глаз брызнули слёзы.

– Мой бедный Пабло!

Голос её оборвался рыданием, лишь разъярившим Пабло.

– Пожалей, пожалей меня, тем более что я очутился здесь по твоей милости. Зачем ты пришла?

– О Пабло! Пабло! – с упреком воскликнула она.

– Пабло! Пабло! – передразнил Беатрис брат. – Или я не прав? Или ты скажешь, что не по твоему желанию мы переехали в эту проклятую Венецию? Разве нам плохо жилось в Милане? Разве ты не достаточно зарабатывала там?

Упреки брата не удивили Беатрис. Она привыкла получать их за всё хорошее, что делала для него. И принимала с тем же смирением, с каким принимала отсутствие в нём мужского характера. Пабло же, как все эгоисты, считал себя жертвой чьих-то козней, никогда не признавая за собой никакой вины.

Но его последний выпад был столь чудовищно несправедлив, что Беатрис решилась возразить брату.

– Это неправда, Пабло! – попыталась защититься она. – Подумай! Ты же сам уговаривал меня согласиться на предложение Рудзанте.

– Зная твой характер, твою мнительность, мне не оставалось ничего другого. Ты бы запилила меня, попробуй я возразить.

– Пабло, дорогой, – в её голосе слышался укор. – Я ли украла кинжал?

Но и этот мягкий вопрос вызвал взрыв.

– Тело Господне! – взревел он. – Я не крал кинжала. Я его нашёл. Как ты смеешь упрекать меня? Мне никогда не пришлось бы продавать его, если бы не твои вечные попреки. Виной всему твоя жадность. А теперь я в лапах венецианских собак, которые выдвигают против меня Бог знает какие обвинения. О Боже! С рождения мне не везёт. Всю жизнь меня преследуют неудачи. Ну почему я должен так страдать? – Он обхватил голову руками и застонал от жалости к себе. – Но ты не ответила мне, зачем ты пришла.

– Инквизиторы разрешили мне навестить тебя.

– С какой целью? Чтобы ты могла порадоваться заботам государства, в которое привезла меня. Они намерены допросить меня. Говорили тебе об этом? Ты знаешь, что это означает? Ты знаешь, как выламывают на дыбе руки? – Он сорвался на крик. – Матерь Божья! – И снова закрыл лицо руками.

Жалость, преодолев отвращение, привела её ступенькой ниже, к самой вонючей жиже на полу. Она попыталась обнять его, успокоить, но он вырвался из её рук.

– Мне это не поможет.

– Я делаю всё, что могу. Я ходила к дону Рамону де Агилару, умоляла его заступиться за тебя, использовать своё влияние, чтобы помочь тебе.

– Дону Рамону? – Он поднял голову, в его глазах блеснула надежда. – Дону Рамону! Клянусь Богом, удачная мысль. Из него ты сможешь выжать многое. Я видел, как он смотрел на тебя. – Он сжал руки Беатрис. – Что он сказал?

– Он предложил мне сделку. – Голос её упал. – Постыдную сделку.

– Постыдную? – И он ещё сильнее сжал её руки. В его голосе послышалась тревога: – Какую же? Какую? Что может быть постыднее того, что твой брат сидит в этом аду? Святая дева Мария! До каких же пор ты будешь разыгрывать из себя недотрогу? – Чувствуя, как сжимается она от каждой его фразы, Пабло возвысил голос: – Только потому, что ты так разборчива, меня могут вздёргивать на дыбу, ломать мне кости, бить кнутом? Имей совесть, сестра. Ты завлекла меня в эту передрагу. Так неужели ты оставишь меня здесь только потому, что не хочешь поступиться такой малостью?

– Малостью?

– А чем же? В конце концов, от тебя не убудет. И если я действительно дорог тебе...

Она прервала Пабло.

– Конечно, дорог. О Господи! Но что я могу сделать?

– Что? Ты знаешь. Ты же не бросишь меня в беде, – в голосе его появилась теплота, он похлопал сестру по плечу. – Бог вознаградит тебя, Беатрис, и я тоже. Вот увидишь, выйдя отсюда, я стану совсем другим. Я буду жить ради тебя. Клянусь. В случае чего я отдам за тебя жизнь. Ещё раз обратись к дону Рамону. Не теряй времени. Ни в чём не отказывай ему, лишь бы он вызволил меня.

Тюремщик, открыв дверь, положил конец мольбам Пабло.

– Время, госпожа. Вам пора уходить.

На прощание Пабло успел добавить несколько фраз. О том, что такой сестры, как у него, ни у кого нет. О том, как он надеется на неё, как верит, что лишь ей по силам вернуть ему свободу.

С трудом волоча ноги, Беатрис поднялась по каменным ступеням. Тяжёлая дверь захлопнулась за её спиной, заскрежетал ключ в замке. Ей казалось, что её душу вывалили в грязи. Жалость к Пабло, укоренившаяся привычка защищать его от превратностей жизни боролись с отвращением к нему, вызванным бессердечностью, с которой он требовал от неё пожертвовать своей добродетелью. Оправдание она искала в слабостях его души и тела, многократно усиленных ужасом пребывания в зловонном подземелье.

Глава IX. Приманка

На верхней ступеньке тюремщик удивил Беатрис, объявив, что его светлость ожидает её.

Галерея, парадная лестница с украшенными фресками стенами, ещё одна галерея, залитая солнцем, резные, с позолотой двери. Короткая задержка в приёмной, и её ввели в сверкающий золотом тронный зал дожа, из готических окон которого открывался прекрасный вид на бухту святого Марка и стоящие в ней на якоре корабли.

Там встретил её Барбариго, не в золотом парадном наряде, но разодетый в алое, чёрное, серебристое.

В благоговении взирала она и на дожа, и на тронный зал.

Барбариго галантно подвинул ей стул.

– Пожалуйста, присядьте. – От него не укрылись ни запавшие глаза, полные ужаса, ни вымазанные грязью туфли и подол платья.

– Как будет угодно вашей светлости. – Ла Хитанилья села и застыла со сложенными на коленях руками.

Дож остался на ногах.

– Вы виделись с братом?

– Да.

Он вздохнул.

– Сожалею, что визит этот причинил вам боль. Такое зрелище не предназначено для женских глаз. Тяжёлое испытание выпало на вашу долю. И поверьте мне, я хотел бы снять это бремя с ваших хрупких плеч.

– Благодарю вас за участие, ваша светлость, – с усилием произнесла Ла Хитанилья. Этот человек пугал её. Под внешней элегантностью, лёгкостью движений, бархатным голосом она улавливала злобу и коварство.

– Как агент миланского...

– Это ложь, – взвилась Беатрис, – Беспочвенное подозрение. Оно ни на чём не основано. Пустые слова.

– Вы мне это гарантируете?

– Клянусь вам.

– Я-то вам верю. Но, к сожалению, убедить государственных инквизиторов гораздо сложнее. Они могут подвергнуть его пытке. Если он выдержит её, останется кража. Ему могут отсечь руку. Правда, сейчас на галерах республики ощущается нехватка рабов-гребцов, поэтому руку ему скорее всего сохранят и до конца дней он будет махать веслом.

Она вскочила, побелев от гнева.

– Как я понимаю, ваша светлость насмехается надо мной.

– Я? – изумился дож. – Святой Марк! Мне-то казалось, что я на такое не способен. Нет, нет, – рука его надела ей на плечо, предлагая снова сесть, – наоборот. – Он отошёл на несколько шагов, повернулся к ней. – Я послал за вами, чтобы предложить вам свободу вашего брата... – Она промолчала, но впиалась в него взглядом. А дож, выдержав паузу, продолжил: – ...Не задаваясь вопросом, виновен он или нет.

Беатрис молча сверлила его взглядом, но в душу её уже закралось подозрение. Дож вернулся к ней, чуть улыбнулся.

– Тем самым я могу рассчитывать на вашу благодарность.

– Разумеется, мой господин, – прошептала она.

– И докажете вы мне её не на словах, а на деле?

По её телу пробежала дрожь, на мгновение она закрыла глаза. В голосе дожа ей слышались интонации дона Рамона. Её передёрнуло от отвращения.

– Ну почему, почему я всегда слышу одно и то же? Да, жизнь заставила меня петь и танцевать на радость людям, но это не означает, что от меня можно требовать чего угодно. Ну почему мне отказывают в добродетельности?

Дож продолжал улыбаться.

– Вы слишком торопитесь. Если б не ваша добродетельность, я бы не обратился с этим предложением. Вы, естественно, осознаёте, что очень красивы. Однако красота ещё не всё. Только в сочетании с умом и аристократической внешностью, охраняющей вашу добродетель и позволяющей вам оставаться чистой среди всей этой грязи, ваша красота становится неотразимой для любого мужчины, на котором вы остановите свой выбор.

Беатрис смутилась.

– Я вас не понимаю.

– Ещё поймёте. Я прошу вас послужить не мне. Государству. Слушайте. При Испанском королевском дворе, в Кордове, или в Севилье, или где-то ещё, отирается один авантюрист, обладающий картой, на которую у него нет никаких прав. С помощью этой карты и прилагаемого к ней письма авантюрист, о котором я веду речь, может причинить немалый вред Венеции. Достаньте мне карту и письмо, а взамен вы получите жизнь и свободу брата.

Её глаза широко раскрылись, лицо побледнело.

– Взамен? Но каким образом я их достану?

– От вас требуется лишь желание. Всё остальное уже есть. Такая красота, как ваша, открывает путь к сердцу любого мужчины, а тот человек, насколько мне известно, далеко не отшельник.

Отвращение вновь охватило её. В конце концов, в своём предложении дож ничем не отличался от дона Рамона. Цена, которую ей предлагали заплатить, оставалась неизменной. А в её ушах стояла мольба Пабло.

– Но как я найду этого человека? Как попаду к Испанскому двору? – ухватилась Беатрис за последнюю соломинку.

– Это наша забота. Вам помогут, вы получите в своё распоряжение значительные средства. Что вы на это скажете?

Она заломила руки. Губы её дрожали. Она-то думала, что цена останется той же, но теперь поняла, что к ней добавляется ещё и предательство.

Пристально наблюдая за Ла Хитанильей, дож повторил:

– Так что вы на это скажете?

– Нет! – она вскочила. – Не стоило и просить меня об этом. Стать приманкой! Это позор. Барбариго раскинул руки.

– Не буду настаивать. Если я оскорбил вас, извините меня. Я лишь хотел принять участие в этом деле, облегчить участь вашего брата.

– Милосердный Боже! – простонала она. – Неужели в вас нет ни капли жалости ко мне?

– Если бы я мог даровать жизнь и свободу вашему брату, он уже был бы с вами. Но даже дож не может преступить закон, если только не докажет, что делает это ради укрепления государства. А без этого, боюсь, ваш брат станет галерником, если, конечно, трибунал не сократит время его мучений, приговорив к удушению.

Крик невыносимой боли вырвался из её груди.

– Матерь небесная, помоги мне! Скажите мне, что я должна сделать, мой господин. Скажите мне больше, скажите мне всё.

– Разумеется. Разумеется, вам всё скажут. Со временем. Сейчас вам известно достаточно, чтобы принять решение.

– А если я соглашусь, но потерплю неудачу? – Чувствовалось, что она уже сдалась. – Я даже не знаю, возможно ли то, о чём вы меня просите. Вы же мне ничего не рассказали.

Дож не заставил себя упрашивать и, вероятно, рассказал ей что-то очень важное, потому что дон Рамон де Агилар, появившись, по своему обыкновению, вечером в Сала дель Кавальо, не увидел на сцене Ла Хитанильи. И от Рудзанте он не добился ничего вразумительного. Тот лишь заверил графа, что Ла Хитанильи в его театре больше нет и он не знает, когда она вернётся.

В растерянности дон Рамон пришёл следующим утром к дожу, чтобы выяснить, как решился вопрос с Пабло де Арана.

Его заставили долго ждать в приёмной, что не способствовало улучшению настроения посла.

Он нетерпеливо мерил приёмную шагами, когда из-за двери показался разодетый толстяк с выпученными глазами и поклонился ему. Дону Рамону уже доводилось встречать этого человека, по фамилии Рокка, корчившего из себя важную персону, но на самом деле служившего в Совете трёх, поэтому посол с высоты своего положения не счёл нужным отвечать на приветствие.

Но Рокка направился прямо к нему.

– Меня послали за вашим высочеством. Его светлость примет вас немедленно.

Бормоча про себя проклятья, дон Рамон последовал за агентом Совета трёх.

Дож ничем не порадовал его.

– К сожалению, мой друг, в деле Пабло де Араны я не в силах вам помочь. Выдвинутые против него обвинения не ограничиваются только кражей. Этот несчастный передан инквизиторам. – Дон Рамон понял, что последней фразой дож объясняет присутствие при разговоре агента Совета трёх. – В их действия не может вмешиваться даже дож. Между прочим, они потребовали от его сестры незамедлительно покинуть Венецию. И я полагаю, что ваш интерес к его персоне быстро угаснет. Во всяком случае, надеюсь на это.

На прощание Барбариго мило улыбнулся, но испанец ещё долго гадал, то ли в последних словах дожа проскользнула насмешка, то ли ему это почудилось со злости.

Глава X. Спасение

Кристобаль Колон слонялся по своей комнате над мастерской мастера-портного, Бенсабата, перебирая в памяти события прошлого и размышляя о будущем. От последнего он уже не ждал ничего хорошего.

Май подходил к концу, и белокаменный город Кордова купался в жарких лучах андалузского солнца. Ещё несколько дней, и горы, подступившие с севера, побелеют от цветущих апельсиновых деревьев, а в садах Алькасара зацветут гранаты.

Через открытое окно до Колона долетал уличный шум: треньканье колокольчиков мула, крики водоноса, детский смех, жужжание прялки.

Всем недовольный, он улёгся на кожаный диванчик. Скромная обстановка комнаты указывала, что её обитатель не из богачей. Кровать в нише, задёрнутой выцветшей портьерой. Дубовый стол посередине комнаты на голом полу. Гладильная доска у стенки. Небольшой сундучок под окном. Пара стульев с высокими спинками.

Выбеленные стены украшала овальная картина в бронзовой раме. Изображала она деву Марию с золотистыми волосами, белоснежной кожей, в очаровании юности. Картину эту Колон купил много лет назад в Италии, и она всюду путешествовала с ним. Нарисовал её Алессандро Филиппи, более известный как Боттичелли. Иногда в молитве Колону казалось, что дева Мария на картине оживает, вслушиваясь в его слова.

Мрачно вглядывался он в низкий потолок комнатки, столь несоответствующей его честолюбию. Куда уютнее он чувствовал себя во дворцах. Хотя, по правде говоря, после возвращения двора в Кордову, он редко появлялся в Алькасаре. Придворные подталкивали друг друга, когда он проходил мимо, как, впрочем, и восемнадцать месяцев назад, когда он впервые предстал перед очами короля и королевы, но теперь эти подталкивания сопровождались насмешливыми улыбками. Он устал от этих улыбок и начал опасаться, что в какой-то момент не выдержит и как следует отделает одного из этих улыбающихся бездельников. Из-за этого, да и потому, что наряды его изрядно пообтрепались, он потерял всякий интерес ко двору, занятому войной с маврами, политическими интригами с Францией, подготовкой к изгнанию евреев и не имеющему ни одной минуты, чтобы обдумать его заманчивое предложение.

А не поставить ли точку, подумалось ему. Утром Кинтанилья прислал ему ежеквартальное пособие, так что он мог купить себе мула и отправиться во Францию, чтобы попытать счастья там. Но кто мог гарантировать, что во Франции его не ждёт новое разочарование? Ничего другого он пока не видел. Все силы зла поднялись на борьбу с ним, возводя на пути к желанной цели преграду за преградой. Огорчится ли кто-нибудь, если он уедет? Скорее всего двор даже не заметит его отсутствия.

Тут он, однако, возразил сам себе. По крайней мере двое будут сожалеть о таком решении: Сантанхель, не оставляющий его без поддержки, и маркиза Мойя. При мысли о маркизе перед ним возникло её лицо, улыбка на влажных алых губах, огромные глаза, бархатистая кожа. Чувственная женщина, на груди которой он мог бы забыть о бесконечной череде неудач. Но прочная стена отделяла их друг от друга. Стену, конечно, он мог и сломать, но открыв дорогу к сердцу маркизы, он лишился бы благоволения королевы. Так что не оставалось ничего иного, как только мечтать о юной красавице.

Скрип ступеней прогнал её образ. Словно она убежала, боясь незваного гостя. В дверь постучали. Не поднимаясь с дивана, Колон крикнул: «Входите» – и повернулся к двери, чтобы посмотреть, кто пожаловал.

В следующее мгновение он уже вскочил, ибо дверной проём заполнила массивная фигура дона Луиса де Сантанхеля, сопровождаемого стариком Бенсабатом.

Казначей переступил порог, дверь закрылась, и от роскоши его наряда маленькая комната стала ещё более голой и бедной.

– Вы прячетесь от всех, Кристоаль, – в голосе дон Луиса слышался упрёк.

Колон пожал протянутую руку.

– Лучше сидеть дома, чем выставять себя на потеху обезьян.

– Обиделись, да? – улыбнулся дон Луис.

– Без всякой на то причины, скажете вы?

– Нет, нет, причины на то были. Но у меня для вас новости.

– Король и королева отправляются в Гранаду, они решили начать войну с Францией, и ещё собственной персоной будут присутствовать на поединке золота Абарбанеля с дыбой и костром фрейя Томаса де Торквемады. Видите, я и так всё знаю.

Сантанхель покачал головой.

– Знаете, но не всё. Ваш друг, фрей Диго Деса прибыл ко двору. Он справился о вас и учинил королеве скандал. Он решился с прямою доминиканца упрекнуть её, что она забыла о вас, хотя обещала совсем другое. Маркиза поддержала его, и вдвоём они так нажали на её величество, что в Саламанку отправили курьера. Он привезёт учёных, чтобы те вынесли решение по вашей теории. Для вас это новость, не так ли?

– Новость, и чудесная. Впрочем, теперь чудо потребуется и от меня. Как иначе добиться того, чтобы слепые увидели свет?

– Я думаю, вам это по силам. – Сантанхель опустился на диван, Колон остался на ногах. – Как я и говорил, Деса справлялся о вас. Неразумно пренебрегать таким верным другом.

– Я слишком долго обтирал стены приёмных. В мире, где о человеке судят по одежде, мне просто стыдно выходить на люди.

– Об этом я позаботился. Бенсабат сшил вам такой наряд, что вам будет завидовать весь двор. Ну что вы так рассердились. Меня же по праву считают вашим другом, а друзья высшего сановника государства и должны выглядеть соответственно. Уж простите, что я сделал это без вашего ведома.

– Если наряд сшит на меня, то, клянусь святым Фердинандом, я и заплачу за него.

– Если будете настаивать, то заплатите. Из сокровищ Индий, по возвращении. Помогите мне, Господи. Неужели ваша гордость не позволяет принять подарок от старика, который любит вас?

Колон смутился.

– Я и так в огромном долгу перед вами.

– За что? С моей стороны вы не видели ничего, кроме веры в вас.

– Разве этого мало? Кто ещё может похвастаться тем же?

– Я могу назвать одного или двух. А теперь вот ради вас Диго Деса ставит под угрозу свою репутацию. Этот добрый человек борется не только за вас. Ревностный христианин и доминиканец, он тем не менее маран. Он надеется, что открытие Индий и богатства, которые потекут оттуда, приостановят преследование евреев. – Чувствовалось, однако, что в последнем Сантанхель сильно сомневается. – Вы должны встретиться с ним завтра в Алькасаре. Нельзя отказываться от его поддержки.

– Вы помогаете мне из того же сострадания к евреям?

– Даже если и так, причина эта куда как веская.

Колон, конечно, понимал, что только грубиян или круглый дурак мог не поблагодарить того, кто вызволил его из забвения, поэтому следующим утром он появился в древнем мавританском дворце в великолепии чёрной и золотой парчи. Роскошный наряд придавал ему сил, и он словно не замечал удивлённые взгляды придворных.

Впрочем, насмешники скоро прикусили языки, увидев, как беседует с ним влиятельный доминиканец, наставник принца, и задумались, а не поспешили ли они.

Диего Деса, небольшого роста, с выпирающим животиком, с венчиком каштановых волос вокруг тонзуры, часто моргая близорукими глазами, заверил Колона, что долгое ожидание близится к концу.

Колон он оставил в прекрасном расположении духа. Один тот пробыл недолго. Двое мужчин подошли к нему. Граф Вильямарга, высокий худощавый, в чёрном плаще с вышитым красным мечом, рыцарь ордена святого Яго де Компостело, и грузный, цветущего вида мужчина со светлыми волосами и синими, чуть нависшими глазами, которого граф представил как мессира Андреа Рокка, только что прибывшего к Испанскому двору из Венеции.

Их общество ни в малой степени не привлекало Колона, но он не нашёл предлога откланяться, так что из вежливости ему пришлось стоять и поддерживать разговор ни о чём. Несколько минут спустя граф Вильямарга покинул их, остановив взмахом руки проходящего мимо курьера.

– Извините, но я должен кое-что передать дону Игнасио.

Едва они остались вдвоём, венецианец перешёл на итальянский.

– Негоже итальянцам говорить на чужом языке. Тем более что с испанским я ещё не в ладах, – под суровым взглядом Колон он рассмеялся. – Я надеялся, что вы вспомните меня, мессир Кристоферино, но вижу, что напрасно. Впрочем, почему вы должны меня помнить? Моя роль в той истории была совсем маленькой, тогда как вы стали её героем. Я говорю о морском бое в Тунисе десять лет назад, когда ваши решимость и мужество привели к разгрому турецкой эскадры.

– Вы участвовали в том сражении?

Рокка вздохнул и улыбнулся.

– И вы спрашиваете об этом! Я служил под командой капитана Ламбы, ещё одного великого генуэзца. Потом я часто думал о вас. Мне хотелось знать, как идут ваши дела. Представляете себе моё удивление, когда я увидел вас здесь. И Вильямарга рассказал мне о задуманной вами великой экспедиции. Как же я завидую тем, кто поплывёт с вами. Какое счастье – стать участником этого незабываемого путешествия. Какая честь служить под командой такого капитана!

Колон попытался прервать поток лести.

– Пока мне ещё надо убедить в этом мир.

– В вас говорит скромность, сеньор. За вами пойдут без оглядки.

– Я имел в виду корабли. Заполучить их труднее.

– Корабли? – Венецианец фамильярно взял Колон под руку и увлёк к оконной нише. – Из слов Вильямарга я понял, что их величества готовы дать вам корабли. Но если есть возможность принять участие в вашей экспедиции... Что ж, сеньор, я не слишком богат и не хотел бы упустить шанс умножить своё состояние. У меня хватит денег, чтобы снарядить один корабль. И таких, как я, будет много.

Он помолчал, пристально наблюдая за реакцией Колон. А тому вспомнился Пинсон, обратившийся к нему в Ла Рабиде с аналогичным предложением.

Ответил он венецианцу точно так же, что и Пинсону. Такая экспедиция не возможна без поддержки короны. И прежде чем они продолжили беседу, заиграли трубы, возвещая о прибытии королевы Изабеллы и короля Фердинанда.

Распахнулись двойные двери в конце зала, и их величества вошли, предшествуемые гофмейстерами. Король Фердинанд, весь в тёмном, в тёмной же шапочке на светлых волосах, сопровождаемый высоким, элегантным кардиналом Испании, толстяком герцогом Мединским и Эрнандо де Талаверой, и королева Изабелла, в золотом с красным, в сопровождении маркизы Мойя и пышногрудой герцогини Мединской. Мальчик-паж нёс шлейф платья королевы.

Медленно шли они мимо придворных, обращаясь к некоторым из них. На этот раз её величество заметила Колон.

– А, сеньор мореплаватель, в последнее время мы постоянно думаем о вас. Вы ждали долго, но вскорости можете рассчитывать на известие от нас.

Колон низко поклонился.

– Я целую ноги вашего величества.

С трудом ему удалось ничем не выдать охватившее его ликование. А проходившая следом маркиза Мойя одарила его тёплой улыбкой. И отличного настроения Колона не испортил даже суровый взгляд, брошенный на него Талаверой.

Рука Рокки легла на его плечо.

– Слово от королевы, улыбка от самой очаровательной дамы при дворе. Только не говорите, что вас тут не ценят.

Колон только рассмеялся, не желая вспоминать о недавнем прошлом.

Глава XI. Агенты

В лучшем номере лучшей гостиницы Кордовы пышущий здоровьем, разодетый мессир Рокка докладывал о своих успехах.

– Я засыпал его комплиментами, а он в своём самодовольстве словно и не заметил их. Чего я только ему не наговорил. – И принялся цитировать самого себя: – Моя роль в той истории была маленькой, тогда как вы стали её героем. Я говорю о морском бое в Тунисе десять лет назад, когда ваши мужество и решимость привели к разгрому турецкой эскадры. Как я завидую тем, кто поплывёт с вами. Какое счастье – стать участником этого незабываемого путешествия. Какая честь служить под командой такого капитана. – Он замолчал, переводя дух. – Потом я предложил снарядить корабль для участия в экспедиции. Если б он клянул на это, я мог бы попросить показать карту, и тогда, возможно, мы бы нашли кратчайший путь к нашей цели.

Рокка ожидал услышать аплодисменты, но их не последовало. Его единственный слушатель, низкорослый, с квадратными плечами мужчина, более всего похожий на огромную обезьяну, привык ругаться, а не говорить комплименты. Его костистое, загорелое лицо напоминало маску. Маленькие блестящие глазки буравили собеседника.

– К чёрту эти тонкости. Мы получили чёткие указания и должны их выполнять.

Рокка, однако, гнул свою линию.

– Я и содействовал их выполнению. Теперь, когда я втёрся к нему в доверие, остальное проще простого. Кровь у него горячая, я в этом убедился. Разумеется, мы будем следовать полученным указаниям. Но прямой путь может оказаться куда как короче. Шесть дюймов металла между рёбер тёмным вечером и...

– И всё пойдёт прахом, если карты у него не окажется. Первым делом необходимо выяснить, где она. Он может хранить её у казначея, как в Лиссабоне. В этом случае Беатрис должна уговорить его забрать карту и принести её домой. Если же карта и сейчас в его доме, тогда мы можем пойти прямым путём, как ты предлагаешь. Но сначала мы должны знать наверняка, где она. Один неверный шаг, и мы всё погубим, потому что он и так настороже после неудачного покушения в Лиссабоне. Мессир Саразин ясно дал понять, человек этот – тьфу, главное – карта. И не след тебе забывать об этом.

– Я же сказал, мы в точности будем следовать полученным указаниям.

– Именно этого от нас и ждут.

– Но мы можем не успеть. Время поджидает. Мессир Саразин как-то не придаёт этому значения, а зря. Сегодня я узнал от Вильямарги, что их величества вот-вот ускорят решение дела. Они вызвали учёных докторов из Саламанки, чтобы те высказали своё мнение.

На мгновение собеседник Рокки встrepенулcя, но тут же вновь расслабился.

– Королевская комиссия? И ты говоришь мне, что у нас мало времени? Ба! Королевские комиссии ползут к цели, как улитки, и никогда не достигают её. Комиссия – благо для нас.

– Рад это слышать.

– Сказанное не означает, что мы должны медлить. Так какие отношения установились у тебя с мореплавателем?

Делла Рокка выложил ему всё в мельчайших подробностях.

– Хорошее начало, – кивнул мужчина. – А теперь пару дней надо подождать. – Говорил он властно, каждое своё слово расценивал, как приказ, ибо его, Галлиаццо Галлино, лучшего агента Совета трёх, назначили руководителем всей операции.

В помощники ему Саразин назначил Рокку. Пару он подобрал удачно, потому что каждый из них обладал теми качествами, которых недоставало другому. Рокка, любящий красиво одеться, легко сходившийся с людьми, с манерами аристократа, в светском обществе чувствовал себя как рыба в воде. Галлино недоставало внешнего лоска, зато он обладал большим опы-

том и не раз показывал, что ему по силам дела, о которых инквизиторы предпочитали не говорить вслух.

Рокка согласно кивнул.

– Как скажете. – И тут же добавил: – А как наша девушка?

– Она обо всём договорилась со своим мавром, как, собственно, и ожидалось. Она работала у него раньше и привлекала посетителей в его харчевню. Он рад, что она вернулась.

– Прекрасно. А что у нас на обед?

Они ещё сидели за столом, когда в их номер зашла Ла Хитанилья.

Вошла она без стука, да и они не потрудились встать, чтобы приветствовать её. Лёгкой походкой девушка направилась к столу, откинула капюшон, скрывающий лицо, расстегнула и сняла длинный плащ, села.

Простое чёрное платье ещё более подчёркивало бледность её щёк. Под карими глазами появились чёрные круги.

– Галлино сказал мне, что вы уже устроились.

Ла Хитанилья кивнула.

– Всё оказалось не так просто, как я предполагала. Многое изменилось с моего последнего приезда в Кордову. Святая палата всё более косится на морисков и маранов, и Загарте очень боится доминиканцев. Так что теперь он ставит только те спектакли, которые могут прийтись по вкусу Святой палате. Вроде «Мученичества святого Себастьяна». Когда я предложила выступить в перерыве между действиями, он чуть не лишился чувств от ужаса, – она невесело рассмеялась. – Но, в конце концов, он не смог устоять перед редкой возможностью заработать приличные деньги. В Кордове полно солдатни, и они повалят валом, чтобы посмотреть, как я пою и танцую. На Себастьяна-то никто и не ходит, а те, что заглядывают в харчевню, мало едят и ещё меньше пьют. Сначала, правда, он мне отказал.

– Отказал? – воскликнул Рокка. – Но...

– Дайте мне договорить, – прервала его Ла Хитанилья. – Я помогла ему преодолеть сомнения. Я стану участницей его спектакля. Буду исполнять роль Ирены, юной христианки, которая спасает Себастьяна от гибели, сама принимая мученическую смерть. Я заменю мальчика, играющего сейчас эту роль.

На лице Рокки отразилось недовольство.

– Зачем нам этот монашеский спектакль?

– Монашеский? Я буду петь и танцевать. Что в этом монашеского?

– В «Мученичестве святого Себастьяна»?

– Такая возможность есть. Я буду петь над телом Себастьяна, под ту мелодию, которую так любили в Венеции.

Глаза Рокки выкатились из орбит.

– Девочка моя, да ты закончишь на костре.

– Слова станут моей защитой. Не волнуйтесь. Да и танец мой будет более чем благопристойным.

– Благочестие в танце! – Он испугался ещё больше. – Святость в аду!

Ла Хитанилья рассмеялась.

– В Испании мы ухитряемся совместить несовместимое. Вам следует посмотреть, как танцуют на страстной неделе перед алтарём в кафедральном соборе Севильи.

Галлино ухмыльнулся.

– Сумасшедшая страна, в которой возможно и такое безумство. Продолжай в том же духе.

– Пока у Святой палаты нет никаких претензий к Загарте. Так что и вам волноваться пока не о чем. А вот Колон... Что он за человек?

Ответил ей Рокка.

– Вспыхивает, как сера. При дворе шепчутся, что он пытался покорить прекрасную маркизу Мойя, но потерпел неудачу. Женщин он не чурается. Так что работа вам предстоит лёгкая.

– Лёгкая? – недоверчиво переспросила она.

– Да, да. В руках такой, как вы, он будет таять, словно воск.

Ла Хитанилья продолжала хмуриться, глядя на весёлое лицо Рокки.

– Я намерена предложить Загарте новую мистерию. Историю Самсона. Для филистимлянки Далилы танец будет более естественным, чем для Ирены. В танце она будет соблазнять Самсона.

– Прекрасно! – вскричал Рокка. Горечь в её голосе осталась для него незамеченной. – Блестящая мысль. Именно это нам и нужно.

Галлино, однако, тут же охладил его энтузиазм.

– Идиот, она же смеётся над тобой.

Улыбка сразу сбежала с лица Рокки.

– Нет, сеньоры! – Ла Хитанилья покачала головой. – Если я и смеюсь, то только над собой.

Галлино смерил её суровым взглядом.

– В таком настроении не следует браться за работу.

– Если я сделаю всё, о чём вы просите, что вам до моего настроения? – возразила девушка. – Дайте мне выпить.

Галлино налил ей стакан вина, которое она разбавила водой из глиняного кувшина.

Глава XII. У Загарте

В сопровождении говорливого мессира делла Рокка Колон гулял по садам Алькасара.

Тень, отбрасываемая цветущими апельсиновыми деревьями, защищала их от жаркого андалузского солнца.

Венецианец старался расположить к себе Колона. С лестью он не перегибал, зато с присущим ему красноречием критиковал придворных, столь мало внимания уделяющих его спутнику. И Колон, окрылённый новой надеждой, принимал его речи тем более благосклонно, что делла Рокка пообещал снарядить корабль для экспедиции в Индии.

Потом разговор перекинулся на другие темы, от путешествий к границам известного мира, ведущихся военных действий к обычаям Испании и особенностям жизни в этой стране. Вполне естественно, что мессир Рокка, большой любитель наслаждений, вспомнил об испанских женщинах.

– В их жилах смешалась кровь Востока и Запада, создав совершенство, смертельно опасное для таких, как мы, мужчин из других стран.

– Не более они опасны, чем все женщины, – возразил Колон. – Они всегда баламутят спокойствие души мужчины.

Рокка доверительно взял Колона под руку.

– Только когда не хотят потакать нашим желаниям. А вот в этом обвинить испанских женщин я не могу.

– Естественно, раз вы их находите самыми очаровательными.

– А вы нет? Если так, позвольте мне обратить вас в свою веру. Здесь, в Кордове, я знаю жемчужину, с которой едва ли кто сравнится за пределами Андалузии. Вы бывали в харчевне Загарте? Нет? А давно вы в Кордове? Впрочем, это неважно. Сегодня мы можем убить двух зайцев. Во-первых, вкусно поужинать, а во-вторых, посмотреть спектакль, который ежедневно играет у Загарте. Моя жемчужина исполняет в нём главную роль.

Так что во второй половине дня Рокка и Галлино, которого представили Колону как соотечественника и купца, повели нового друга по Калье де Альмодовара, вдоль череды выкрашенных в белое домов с высокими заборами и коваными воротами. Через них виднелись тенистые дворики с фонтанами. Окна домов, выходящие на улицу, были забраны решётками, балкончики радовали глаз разнообразием цветов.

Вокруг шумела улица. Толпился простой люд, среди которого прокладывали себе дорогу добротнo одетые купцы и гордые идалго. По мостовой, весело позванивая колокольчиками, шли гружённые дровами мулы. Юноша вёл на верёвке осла с двумя бочками воды, оглушая прохожих криками: «Вода! Кому воды?» Девушки в ярких шляхах, с жгучими глазами заговаривали с проходящими военными, благородные дамы с наброшенными на голову капюшонами старались не привлекать к себе внимания. Каждую сопровождала дуэнья или паж в ливрее.

Пробираясь сквозь толпу. Колон и венецианцы подошли к харчевне Загарте. Стену украшал золочёный щит с виноградной гроздьё. Кучка горожан стояла у ворот, осаждаемая нищими. Рокка локтями проложил путь к воротам, не обращая внимания на недовольные взгляды. Привратник, завидев венецианца, гостеприимно распахнул дверь, а из глубины харчевни к ним уже спешил сам Загарте, маленький смуглый мориск с пронзительным взглядом, остреньким носиком и широким ртом, в белой рубашке и белом же фартуке, под которым скрывалась его одежда.

Он низко поклонился Рокке, заверил, что приготовил для его светлости лучший кабинет. И, если гости позволят, он сам отведёт их туда. Загарте выразил надежду, что спектакль им понравится. Другие придворные, почтившие его своим присутствием, высоко отзывались об игре актёров и самой постановке.

Непрерывно тараторя, сверкая ровными белыми зубами, Загарте вёл их по просторному двору, укрытому зелёным пологом от прямых лучей солнца. Подмости для актёров соорудили в конце двора. К ним вплотную примыкали дюжина или больше рядов скамей, на которых уже сидели зрители. Часть их, что победнее, стояли за скамьями. Напротив подмостков вдоль второго этажа тянулась открытая галерея со столиками для обедающих. В побелённых боковых стенах на первом и втором этаже темнели окна отдельных кабинетов. Всего их было восемь, для тех, кто желал пообедать в уединении и мог себе это позволить. В один из этих кабинетов на первом этаже, у самой сцены, мориск и ввёл своих гостей. Посередине комнаты стоял большой стол для гостей с четырьмя стульями. Ещё один столик для посуды притулился у стены.

Черноволосая, с цыганскими чертами девушка в ярком платье помогла Загарте перенести стулья поближе к окну. На столике у стены появился графин вина и три чашки. Получив заверения в том, что дорогим гостям пока больше ничего не нужно, Загарте и девушка покинули кабинет.

В окно было видно оживлённо беседовавших в ожидании начала представления зрителей. В трёх других окнах первого этажа Колон заметил дам и кавалеров, которых неоднократно встречал при дворе. Из этого он сделал вывод, что ничуть не уронил своего достоинства, приняв приглашение Рокки, поскольку и другие придворные не считали зазорным появляться у Загарте.

Рокка болтал без умолку, Галлино, наоборот, молчал, не обращая внимания на говорливого соотечественника. И Колон даже задавался вопросом, а с какой стати привели сюда этого зануду.

Наконец раздались удары гонга, требующие тишины, зрители приумолкли, и спектакль начался.

На сцену вышел высокий воин в сверкающих доспехах и, подбоченясь, объявил, что он – центурион императорской гвардии, и звать его Себастьян, он – любимчик императора Диоклетиана и боги так благоволят к нему, что в недалёком будущем он, несомненно, станет трибуном.

Один из первых христиан, в серой монашеской рясе, то ли святой Пётр, то ли святой Павел, услышал молодого воина и, выйдя вперёд, громовым голосом объявил, что тот поклоняется ложным богам.

В последующей стычке Себастьян, поначалу чуть ли не с мечом набросившийся на старика-монаха, понемногу начал прислушиваться к истинам, им изрекаемым, а затем упал на колени, умоляя обратить его в христианскую веру.

Под рукой у монаха оказалось ведро с водой, и он окропил центуриона, совершив обряд крещения. Вот тут-то на сцену выскочил толстяк в красной тоге, с браслетами на руках. Его сопровождали два солдата. Назвавшись императором Диоклетианом, толстяк с руганью набросился на Себастьяна, призывая того вернуться в лоно богов Рима. Зрители, вдохновлённые ясными и точными ответами Себастьяна, не оставлявшими ни малейшего сомнения в его правоте, ахнули, когда разъярённый Диоклетиан приговорил Себастьяна к смерти.

Ещё шесть солдат появились на сцене по зову императора. С центуриона сорвали доспехи и привязали его к столбу спиной к зрителям. Половина солдат осталась рядом, охранять мученика, другая половина, выстроившись в шеренгу перед ним, по очереди стреляла в него из арбалетов, чем вызвала негодование зрителей. Правда, осталось не ясно, чем же они возмущались, то ли приказом императора, то ли тем, что не видели, как стрелы вонзались в жертву. Себастьян лишь вздрагивал после попадания очередной стрелы и всё сильнее обвисал на верёвках. Наконец, возвестив присутствующим, что подобная участь ждёт каждую христианскую собаку, Диоклетиан увёл солдатню со сцены.

Пронизанный стрелами центурион неподвижно висел на верёвках, когда до зрителей донёсся перезвон гитарных струн, к которому присоединился женский голос, нежный и мело-

дичный. Женщина пела что-то радостное и весёлое, и зрители, заворожённые голосом, напрочь забыли о Себастьяне и его мучительной казни.

Певица пропела два куплета, прежде чем показалась на сцене. На мгновение застыла, продолжая петь, в белом платье, обтягивающем её точёную фигурку, с гордо отброшенной назад головой. У мужчин даже перехватило дыхание. А потом её блуждающий взгляд остановился на мученике, и песня оборвалась криком ужаса. Певица мгновенно преобразилась. Только что она не могла нарадоваться жизни, теперь же её переполняли жалость и печаль, и зрители сразу же вспомнили о трагедии, случившейся на их глазах до появления певицы.

Она бросилась вперёд, развязала верёвки, и Себастьян рухнул на спину. Теперь все видели торчащие из его тела арбалетные стрелы. Девушка отложила гитару, склонилась над поверженным мучеником, одну за другой вынула стрелы, перевязала воображаемые раны. Не поднимаясь с колен, потянулась за гитарой. И вновь её голос очаровал зрителей. Пела она страстную любовную песенку, которой недавно очаровывала венецианцев, но слова разительно изменились: песня стала плачем скорби христианской девы над телом мученика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.